

ЙОН КОЛФЕР

А ВОТ ЕЩЕ...

АВТОСТОПОМ
ПО ГАЛАКТИКЕ

ПРОДОЛЖЕНИЕ
«АВТОСТОПОМ
ПО ГАЛАКТИКЕ»
ОТ СОЗДАТЕЛЯ
«АРТЕМИСА
ФАУЛА»

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ
ТРИЛОГИИ

Путеводитель по галактике для путешествующих автостопом

Йон Колфер

**Автостопом по
Галактике. А вот еще...**

«Издательство АСТ»

2009

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Колфер Й.

Автостопом по Галактике. А вот еще... / Й. Колфер —
«Издательство АСТ», 2009 — (Путеводитель по галактике для
путешествующих автостопом)

ISBN 978-5-17-107112-7

Дуглас Адамс мечтал написать шестую часть «Автостопом по Галактике» — но, увы, не успел. Продолжение культового сериала хотели создать многие писатели — но наследники Адамса предложили сделать это Й. Колферу — давнему поклоннику «Автостопом по Галактике» и автору не менее культового сериала о приключениях Артемиса Фаула. Своеобразный выбор? Или все-таки — Идеальный выбор? Вселенная велика — и в ней может случиться все что угодно. А иногда и то, что не может случиться в принципе. Пантеон безработных богов, любимый всеми нами Галактический президент, влюбленный пришелец, компьютер со странностями и, конечно, неподражаемый А. Дент... и многое, многое другое. Что именно? Прочитайте — и узнаете! В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-107112-7

© Колфер Й., 2009
© Издательство АСТ, 2009

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
1	11
2	22
3	31
4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Йон Колфер

А вот еще...

*Посвящается Джеки, Финну и Шину, которые скучают по мне,
когда я уезжаю – но не так сильно, как я по ним*

Eoin Colfer
AND ANOTHER THING

Перевод с английского Н.К. Кудряшева

Печатается с разрешения автора, компании Completely Unexpected Productions Ltd и литературных агентств Ed Victor Limited и Andrew Nurnberg.

© Eoin Colfer, 2009

© Перевод. Н.К. Кудряшев, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Мне хотелось бы поблагодарить Дугласа Адамса за то, что он помог мне видеть яснее и в новом измерении. И Джеки – с любовью! – за все ее идеи, наставления, поиски и находки, имевшие место в процессе написания этой книги, да и всех других книг за последние десять лет. Я благодарен также Софи и Эду за то, что они свели этот проект в единое целое, а еще Полли и Джейн – за их помощь и поддержку. Спасибо Алексу и Лесли, моим издателям, орлиный взгляд которых наверняка не обойдет вниманием этой благодарности. И, наконец, моему старому другу Теду Роучу, который познакомил меня не только с «Автостопом», но и с «Уайт-снейком». Я перед ними в неоплатном долгу.

Предисловие

Гроза окончательно стихла, только эхо грома отдавалось еще от далеких холмов – так человек произносит: «А вот еще...» минут через двадцать после того, как спор закончился не в его пользу.

Дуглас Адамс

Мы одолели пространство и время, чтоб снова встряхнуть этот дом до основания.

Упорный Д.

Если у вас на руках имеется экземпляр Путеводителя «Автостопом по Галактике», вам вряд ли захочется набрать на его кла-ВИ-атуре название этого издания для поиска в суб-эта-сети, поскольку, раз у вас есть экземпляр, вы и так уже наверняка знаете все об этой книге – самой замечательной из всех, издававшихся когда-либо крупнейшими издательствами Малой Медведицы. Тем не менее нужно признать, что на протяжении нескольких последних тысячелетий в рейтинге «Источников межгалактических конфликтов» первое место прочно принадлежит «Алчным ублюдкам-захватчикам с большими пушками», а за третье спорят «Вожделение представителей одних разумных видов представителями других» и «Неверное истолкование простейших намеков и жестов». Ну да, как говорится на Бетельгейзе, на бетельгейзианский вкус, на бетельгейзианский цвет...

И все-таки допустим на мгновение, что вас забросило в Порт-Брасту, до рейса у вас восемь часов, а на имплантированной кредитке не наберется даже на одну стопку «Пангалактического грызл од ера», и что вы по какой-то причине не знаете ничего о той предположительно восхитительной книге, которую вы держите в руках, и вот вы – исключительно от скуки, разумеется – набираете в строке поиска Путеводителя «Автостопом по Галактике» слова «путеводитель «автостопом по галактике», и что вы в результате всей этой фигни увидите?

Первым делом на дисплее появляется в ряби пикселей анимированная иконка, сообщающая вам, что по запросу имеются три результата, что само по себе не может не вызвать замешательства, поскольку ниже вы видите целых пять, пронумерованных в надлежащем порядке.

Необходимое пояснение. На всякий случай напоминаем, что в общепринятой системе исчисления числа расставлены в порядке возрастания, а не по творческому вдохновению. Фольфанганские слизи, например, оценивают величину числа по изяществу его очертания. В результате кассовые чеки фольфанганских супермаркетов можно использовать в качестве разноцветных лент для украшения, но их экономика обрушивается с частотой примерно раз в неделю.

Каждому из этих пяти результатов соответствует объемистая статья, сопровождаемая многочисленными аудио- и видеофайлами, включая инсценировки с участием знаменитых артистов.

Так вот, эту книгу ни одна из пяти статей не описывает.

Однако если вы, игнорируя всплывающие баннеры с предложениями продать свою почку или нарастить свое достоинство, доматаете до конца последнюю, пятую статью, вы доберетесь до набранной самым мелким шрифтом строчки: «...и если вам все это понравилось, возможно, вы были бы не против прочитать...» И если вы потретесь своей персональной иконкой по этой строчке, вам откроется чисто текстовое приложение... Ну, не совсем все-таки текстовое: аудио в нем действительно нет, а видео все-таки есть – любительское, снятое каким-то студентом-режиссером у себя в спальне, причем занятые актеры получили свой гонорар сэндвичами.

Вот история этого приложения.

Введение

Насколько нам известно...

В один прекрасный (или не совсем – это как посмотреть) день Правительство Галактической Империи, собравшись за ведерком радужных крабов, решило, что в одном не слишком популярном уголке Западного Спирального Отростка Галактики необходимо проложить гиперпространственную магистраль. Обосновывалось это решение преимущественно гипотетическими транспортными проблемами далекого будущего, но на самом-то деле имело целью трудоустроить нескольких министерских кузенов, вечно ошивающихся вокруг правительственного квартала. К сожалению, на пути прокладки магистрали случилась Земля, и на ее уничтожение с помощью хирургически точного термоядерного воздействия была послана флотилия лишенных фантазии и сострадания вогонов.

Спасти, попав на борт вогонского корабля, удалось только двоим: Артуру Денту, молодому англичанину, сотруднику местной радиостанции, никак не рассчитывавшему на то, что его родную планету разнесут в пыль прямо у него под ногами. И то правда – случись человечеству провести референдум, Артура Дента с высокой степенью вероятности признали бы наименее пригодным для того, чтобы представлять человеческую расу в космосе. Университетский табель Артура предсказывал ему «конец жизни где-нибудь в холмах Шотландии без гроша в кармане». К счастью для Артура, его приятель Форд Префект, уроженец Бетельгейзе, работавший обозревателем для замечательного межзвездного альманаха «Путеводитель „Автостопом по Галактике“», отличался более оптимистичным взглядом на жизнь. Форд, так сказать, видел серебряное шитье там, где Артур видел всего лишь хмурые тучи, так что на пару они составили замечательную компанию космических странников. Конечно, судьба могла бы их занести и на планету Юнипеллу, где облака действительно оторочены серебряным шитьем. Артур, несомненно, ухитрился бы загнать корабль в самое грозное скопление, а Форд почти наверняка попытался бы спи... украсть серебро, что неминуемо привело бы к взрыву содержавшегося в серебряном шитье газа. Взрыв вышел бы весьма живописный, но для героического окончания эпопеи это, пожалуй, не сгодилось бы в связи с нехваткой существенной детали, а именно: героя в более или менее целостном состоянии.

Помимо них, спастись удалось еще только одному землянину, Трише Мак-Миллан, или Триллиан, как ее обыкновенно звали на просторах космоса. Триллиан начинала карьеру чертовски многообещающим астрофизиком, а продолжила начинающим репортером, но всегда верила в то, что жизнь не ограничивается пределами планеты Земля. Впрочем, даже эта вера не спасла ее от сильнейшего потрясения, когда Зафод Библброкс, непутевый двухголовый президент Галактики, выдернул ее с Земли к звездам.

Что можно сказать о президенте Библброксе такого, что не напечатано уже на продаваемых по всей Галактике футболках?

Самой популярной из таких надписей является, конечно: «ЗАФОД ГОВОРИТ „ДА“ ЗАФОДУ», хотя даже личные психиатры президента не знают точно, что бы это значило. Второй же по популярности надписью является, пожалуй: «БИБЛБРОКС. РАДУЙСЯ, ДУРАК, ЧТО ОН НЕ ЗДЕСЬ!»

Если принять за аксиому то, что раз кто-то тратит силы и деньги на то, чтобы напечатать что-то на футболке, в этом что-нибудь, да есть, тогда и суть этой надписи не может быть совсем уже неправдой. А следовательно, мы можем сделать вывод, что когда Зафод Библброкс прилетал на ту или иную планету, местное население отвечало на любой его вопрос утвердительно, но что когда он с нее улетал, оно было счастливо тому, что он уже где-то «там», а не «здесь».

Этих более чем нетрадиционных героев неминуемо прибило потоком событий друг к другу и мотало от приключения к приключению в пространстве и времени – они сживали

на квантовых диванах, беседовали с газообразными компьютерами... ну, в общем, никак не могли найти ни толка, ни смысла, в каком бы уголке Вселенной ни пытались это сделать.

В конце концов Артур Дент вернулся в ту дыру в пространстве, где полагалось находиться Земле, и обнаружил, что дыра эта занята планетой размером с Землю, которая выглядела и вела себя на удивление похоже на Землю. Собственно, эта планета и являлась Землей, только не Артуровой. По крайней мере не *того* Артура. Видите ли, его родной планете повезло оказаться в самом что ни на есть центре плюральной зоны, в результате чего интересующий нас Артур обнаружил себя съехавшим вдоль пространственных осей на той Земле, которую вогонь не уничтожили. Это открытие заметно ободрило *нашего* Артура, а его обычно пессимистическое настроение стало более оптимистическим, когда он познакомился с Фенчёрч, абсолютно родственной ему душой. Ему еще сильно повезло, что эту идиллию не оборвала до срока встреча с кем-либо из *альтернативных* Артуров; должно быть, те не обретались в это время в Англии, а перебрались куда-нибудь в Лос-Анджелес корреспондентами Би-Би-Си.

Артур с возлюбленной путешествовали от звезды к звезде до тех пор, пока Фенчёрч не исчезла во время гиперпространственного прыжка. Вот так и исчезла – сидела рядом с Артуром и пропала, не договорив слова. Артур обшарил в ее поисках всю Вселенную, оплачивая билеты сдачей разнообразных жидкостей, которых в человеческом теле хватает с избытком. Однако поиски эти были прерваны катастрофой звездолета, забросившей его на глухую планету Лемюэлла, где он неожиданно нашел свое призвание, став изготовителем сэндвичей для отсталого туземного племени, которое вдруг исполнилось любви к сэндвичам.

Эта идиллия была нарушена прибытием заказной бандероли от Форда Префекта, содержащей в себе экземпляр «Путеводителя „Автостопом по Галактике, мод. II“» в виде вкрадчивой транспространственной черной птицы. Триллиан, сделавшаяся к этому времени преуспевающим репортером, тоже приготовила Артуру подарочек в лице Рэндом Дент, его дочери, родившейся из материала, которым он расплатился за кресло первого класса на рейсе от Альфы Центавра.

Артур без восторга принял на себя родительские обязанности, но злобный подросток оказался ему явно не по зубам. Рэндом стырила у него «Путеводитель мод. II» и отправилась на Землю в надежде на то, что хоть там почувствует себя дома. Артур и Форд отправились следом за ней, а уже на Земле встретились с прибывшей чуть раньше Триллиан.

Только тут открылось истинное назначение «мод. II». Вогонь, раздраженный упрямым нежеланием Земли разлетаться на элементарные частицы, запрограммировали милую птичку так, чтобы она заманила беглецов обратно аккурат к тому моменту, когда они, вогонь, уничтожат ее, Землю, во всех пространственно-временных измерениях, исполнив тем самым данное им поручение.

Оказавшись на Земле, Артур с Фордом очертя голову понеслись в лондонский «Бетаклуб», задержавшись по дороге только для того, чтобы прикупить фуа-гра и синие замшевые ботинки. Благодаря старой доброй пространственной оси и плюральной зоне они встретились с Триллиан и Тришей Мак-Миллан, сосуществующими в одном пространстве-времени, и на обеих орала благим матом эмоциональная Рэндом.

Сказать, что Артур находился в смятении? Находился, конечно, но недолго. Стоило ему заметить в нижних слоях атмосферы пульсирующие зеленые лучи смерти, как все прочие проблемы разом утратили свою актуальность – в конце концов, если ему предстояло разлететься на миллион обугленных клочков, то никак не от смятения.

Вогон по имени Простатник Джельц постарался на славу. Он не только заманил Артура, Форда и Триллиан обратно на Землю; он и уничтожил планету не сам, а руками, так сказать, обманутого им капитана грибулонского корабля. Так вышло менее хлопотно, и к тому же позволило ему и его команде обойтись без нескольких сотен вогонских часов возни с отчетами и накладными.

Артур с друзьями беспомощно сидели в лондонском «Бета-клубе» и наблюдали за последней битвой на Земле – не имея возможности принять в ней участие... если только не считать участием непроизвольные спазмы и разжижение костных тканей. В этой конкретной ситуации орудием разрушения служили не вогонские торпеды, а лучи смерти – впрочем, если подумать, не так уж и много разницы между различными средствами уничтожения планет, если нацелены они на тебя...

1

Если верить помощнику уборщика в Максимегалонском университете, который часто ошивается под дверью лектория, Вселенной около шестидесяти миллионов лет. Правда, эта цифра оспаривается компанией поэтов-битников с Бетельгейзе, утверждающих, что их молескиновые подкладки и того старей (ей-же-ей!). Семнадцать миллиардов, утверждают они, никак не меньше, если верить имеющемуся у них экземпляру Хроник Большого Взрыва. Какой-то гений-подросток с Земли назвал раз цифру в четырнадцать миллиардов лет, основанную на сложных расчетах, в которых учитывалась плотность лунных пород и расстояние между двумя половозрелыми самками на горизонте событий. Один из младших богов Асгарда обмолвился как-то о том, что где-то когда-то читал о крупном космическом событии, имевшем место восемнадцать миллиардов лет назад, но такими откровениями свыше сейчас не убедить почти никого, особенно после эпического провала фильма «Рождение богов», или «Торгейта», как его прозвали в прессе.

Так или иначе, речь идет о миллиардах лет, а миллиарды – это вам не миллионы какие-нибудь, и судя по внешности сидевшего на пляже старика, он лично отсчитал на пальцах по меньшей мере один из этих миллионов миллионов. Кожа его напоминала пожелтевший пергамент, а в профиль он сильно смахивал на трясущуюся заглавную «S».

Человек вспоминал, как когда-то давно у него, кажется, была кошка. Если, конечно, можно доверять памяти – сложному сочетанию триллионов нейронных связей. Память не пощупать пальцами, и ногами тоже не потрогать – в отличие от прибора, лениво плескавшего о его изуродованные артритом ступни. Впрочем, что такое физические ощущения, если не те же передаваемые в мозг электрические сигналы? Можно ли верить и им? Есть ли во Вселенной вообще что-либо такое, чему можно верить, что можно обнять и поддержать в разгар смерча из бабочек? Или же верить можно только ровно дующему гавалузианскому ветру?

Чертовы бабочки, подумал человек. Стоило им раз сообразить, что махая крыльшками, можно вызвать глобальную катастрофу, и миллионы злобных чешуекрылых, сбиваясь в стаи, начали претворять эту идею в жизнь.

Но ведь этого не может быть, нет? – подумал он. Бабочковый смерч?

Тут новые нервные клетки у него послали сигналы, принятые другими нервными клетками, и образовавшиеся связи нашептали ему основные положения теории невероятности. В частности: что если какому-либо явлению не положено произойти, оно приложит все усилия, отказываясь не произойти, причем как можно скорее.

Бабочковые смерчи. Дай срок, будут и такие.

Старик с трудом отвлекся от этого феномена, и тут же в мысли его закралась и начала медленно пробивать себе дорогу к материализации новая катастрофа.

Можно ли вообще чему-нибудь доверять? Чем-либо утешаться?

Заходящие солнца играли на волнах, окрашивали в разные цвета низ облаков, серебрили пальмовые листья, отражались зайчиками от фарфорового чайника на веранде...

Ах да, подумал старик. Чай. В центре всей ненадежной и, возможно, иллюзорной Вселенной всегда остается чай.

Тростью, сделанной из ноги списанного робота, старик начертил на песке две цифры и смотрел, как волны смывают их.

Только что на песке виднелись «сорок два», и вот их уже нет. Может, их и не было вовсе, а может, они и не нужны никому.

От этой мысли старик почему-то начал хихикать, встал и похромал, опираясь на ногу робота, на веранду. Скрипя суставами и деревом, он опустился в плетеное кресло, такое же дряхлое, как и все вокруг, и кликнул андроида принести печенье.

Андроид подал чай «Рич».

Хороший выбор.

Не прошло и нескольких секунд, как внезапное появление парящей в воздухе металлической птицы нарушило священный процесс обмакивания печенья, и старик уронил большой кусок в чашку.

– Ради бога, – возмутился старик. – Ты хоть знаешь, сколько я трудился над этой технологией? Макания печенья, да еще изготовления сэндвичей? Если ничего другого человеку не осталось?

Птицу его слова, похоже, не возмутили.

– Невозмутимая птица, – мягко произнес старик; звучание этих слов, кажется, нравилось ему самому. Он закрыл больной глаз – тот функционировал так себе с тех пор, как он еще безмозглым пацаном свалился с дерева – и внимательнее рассмотрел парящую тварь.

Птица висела в воздухе. Металлические перья отсвечивали красным в закатных лучах. Металлические крылья взбивали в воздухе маленькие вихри.

– Батарейка, – произнесла птица голосом, напомнившим старику актера, которого он видел когда-то в роли Отелло в лондонском «Глобусе». Просто удивительно, сколько может напомнить одно-единственное слово.

– Ты сказала «батарейка»? – переспросил старик – просто так, для верности. Ведь птица могла сказать и «лотерейка», или даже «сельдерейка». Слух у него был не тот, что прежде, особенно в том, что касалось открывающих слово согласных.

– Батарейка, – повторила птица, и реальность вдруг треснула и начала осыпаться, как разбитое зеркало. Пляж исчез, волны застыли, хрустнули и испарились. Последним исчез чай «Рич».

– Вот блин, – пробормотал старик, когда последние крошки испарились из его пальцев, и откинулся на подушку в помещении, стены и потолок которого состояли из неба. Кто-то должен был появиться, и очень скоро – старик в этом не сомневался. Откуда-то из самых глубоких пещер старых воспоминаний серыми летучими мышами вылетели имена «Форд» и «Префект», верные предвестники надвигающейся катастрофы.

И так всегда: стоило Вселенной начать разваливаться к чертовой матери, и Форд Префект обязательно оказывался где-нибудь поблизости. Он и эта его проклятая книжонка. Как там ее? Ах, да. «Пятновыводитель „Гоп-стоп“ в Гадючнике».

Так... или, во всяком случае, как-то очень похоже.

Старик совершенно точно знал, что скажет Форд Префект.

Посмотри на это с другой стороны, старина. По крайней мере ты не лежишь на земле перед бульдозерами, правда? По крайней мере нас не вышвыривают из иллюзовой камеры вогонского корабля. И небесная комнатка у тебя не то чтобы очень уж ветхая. Все могло быть хуже, гораздо хуже.

– Все будет гораздо хуже, – со скорбной убежденностью произнес старик. Жизненный опыт говорил ему, что все вообще имеет тенденцию становиться хуже, а в тех редких случаях, когда что-то на первый взгляд становится лучше, это всего лишь увертюра к катастрофическому ухудшению.

Ну да, небесная комната казалась достаточно безобидной, но какие ужасы таились за ее хрупкими стенами? Наверняка самые разужасные – в чем в чем, а в этом старик не сомневался.

Он потыкал пальцем в стену, и та подалась. Податливость напомнила ему пудинг из тапиоки, и он почти улыбнулся этой мысли, но тут же вспомнил, что ненавидит тапиоку с тех пор, как старший по палате в начальной школе Итон-хаус наложил этой гадости ему в шлепанцы.

– Прыщавый Смит, говнюк скользкий, – прошептал он.

Палец его проделал на мгновение дырку в облаках, и в эту дырку старик успел увидеть высокое, вдвое больше обычного окно, а за ним... уж не луч ли смерти?

Старик боялся, что так оно и есть.

И так все время, подумал он. И так все время, и хоть бы что-нибудь поменялось...

Форд Префект жил в мечте. В такой, которая включала в себя квартиру на одном из супер-ультра-люксовых, пятисверхновозвездочных, изначально порочных гедонистических курортов Хэй-Виляя. Те часы, в которые иному полагалось бы просыпаться к началу нового рабочего дня, он заполнял обыкновенно причинением непоправимого ущерба своему здоровью путем потребления чрезмерного объема экзотических коктейлей и связями с экзотическими представительницами различных видов и рас.

И – что самое приятное – все расходы на ведение этого саморазрушительного образа жизни полностью брала на себя его кредитная карточка «Обед-при-Исполнении» с безлимитным кредитом, который он открыл сам себе при последнем посещении штаб-квартиры «Путеводителя».

Если бы много лет назад перед юным Фордом Префектом положили чистый лист бумаги и предложили написать один-единственный абзац с перечислением самых сокровенных желаний на будущее, единственным словом, которое он смог бы подобрать из своего словарного запаса, стало бы «возможно». Вероятно, так.

Курорты Хэй-Виляя отличала столь непристойная роскошь, что, как говорится, самец-брекиндин мать бы родную продал за одну только ночь в печально известном виброномере отеля «Замок из песка». На самом деле это не настолько отвратительно, как звучит, поскольку родители служат на Брекинде законным платежным средством, и на хорошо увлажненного септюгенарианца со здоровыми зубами можно купить мотовоз на семью среднего размера.

Возможно, Форд не стал бы продавать кого-либо из своих родителей ради развлечений «Замка из песка»; впрочем, у него имелся двуглавый двоюродный брат, от которого в случае его продажи была бы хоть какая-то польза семье.

Каждый вечер... точнее, каждое утро Форд поднимался по кишке-подъемнику к себе в пентхаус, с трудом ворочая языком, приказывал двери открыться, бросал взгляд на свое отражение в зеркале – опухшая физиономия с налитыми кровью глазами – и падал лицом вниз в ванну.

По-последний вечер, обещал он себе каждый раз. Есть ведь предел, после которого мое тело взбунтуется и развалится на части, да?

Как бы выглядел его некролог в «Путеводителе»? Как-нибудь очень лаконично наверняка. Всего два слова. Или три? Возможно, те самые три слова, которые остались там от его описания Земли.

В основном безвредна.

Земля... Уж не случилось ли на ней чего-то такого, нехорошего, о чем стоило бы подумать? И вообще, почему одни вещи вспоминаются ему без труда, а другие – не яснее туманного утра на вечно окутанных туманами Туманных Равнинах Смогологии?

Впрочем, все это относилось преимущественно к той полной слез и соплей стадии, когда третья порция «Пангалактического грызлодера» вышибала из насквозь пропитанных алкоголем мозгов Форда последнюю каплю сознания, и тот, икнув, издавал боевой вопль дебютанта на родео и с почти идеальной точностью рушился головой в писсуар.

И все же каждое утро, выныривая из ванны у себя в номере (если ему повезло до него добраться, конечно), Форд обнаруживал себя волшебным образом воскрешенным. Никакого бодуна, никакого огненного выхлопа, даже ни одного лопнувшего сосуда в белках глаз – никаких свидетельств давешних эксцессов.

– Ты крутой оболтус, Форд Префект, – неизменно говорил он себе. – Да, именно так – крутой!

Что-то здесь скользкое происходит, изредка просыпалось и било тревогу его подсознание.

Скользкое? Как рыба?

Всего хорошего и спасибо за...

Что-то там про дельфинов? Ну, если честно, они, конечно, не рыбы, но у них с теми общая... среда обитания, да.

Думай, болван! Думай! Тебе полагалось уже сто раз сдохнуть. Ты выжрал столько отравы, что ее хватило бы на то, чтобы замариновать не только тебя, но и на несколько твоих альтернативных воплощений. Как получается, что ты до сих пор жив?

– И не просто жив, а все по кайфу, – отвечал подсознанию Форд, а иногда и подмигивал при этом своему отражению в зеркале. Очень уж его восхищало то, какой ослепительно яркой сделалась его рыжая шевелюра, как рельефно обозначились скулы. И еще – у него, похоже, вытянулся подбородок. Хороший такой, точеный.

– Это место идет мне на пользу, – сообщал он своему отражению. – Все эти маски из фото-пиявок и лемминговые ванны замечательно укрепляют организм. Пожалуй, это просто мой долг по отношению к моему телу – задержаться здесь еще ненадолго.

Что он и делал.

В последний день Форд оплатил своей волшебной кредиткой подводный массаж. Массажистом работал дамограницанский головоногий моллюск пом-пом с одиннадцатью щупальцами и тысячей миниатюрных присосок, которые разминали Форду спину, очищая при этом поры. Моллюски пом-пом высоко ценятся в банно-массажной индустрии, однако их обычно переманивают из нее в музыкальный бизнес – высокими гонорарами, богатыми планктоном водами и возможностью массировать ищущих звезд импресарио, – а значит, и возможностью записаться в звезды самому.

– А ты, дружище, случайно, не ищешь звезд? – поинтересовался моллюск, хотя особой надежды в его голосе не ощущалось.

– Не, – отозвался Форд, выпустив из плексигласовой маски струйку пузырьков; лицо его в свечении флуоресцирующих камней приобрело оранжевый оттенок. – Зато у меня была как-то пара синих замшевых туфель, а это что-нибудь да значит. У меня такие до сих пор... вторая пара, скорее лиловая – не иначе, липовая подделка.

Разговаривая, моллюск то и дело отвлекался на проплывавшие мимо облачка планктона, из-за чего беседа носила несколько дерганный характер.

– Не знаю, верно ли...

– Что?

– Я недоговорил.

– Ты просто оборвал разговор.

– Там был глинт. Я подумал, может, уже ленч.

– Ты ешь глинтов?

– Нет. Настоящих глинтов не ем.

– Это хорошо. Ведь глинты – это маленькие глунты, а они ядовиты.

– Я знаю. Я говорил только, что...

– Что, снова глинты?

– Совершенно верно. Так ты уверен, что не импресарио? И не агент?

– Угу.

– Ох, заарктурь твою медь, – выругался моллюск (немного непрофессионально для сотрудника такого дорогого учреждения, не правда ли?). – Два года корячусь здесь как про-

клятый. Мне обещали, что здесь импресарио и агентов что твоих присосок. Так ведь ни одного. Ни одного, мать его. А я-то ускоренно обучался игре на казу...

Мимо такого Форд пройти никак не мог.

– Ускоренные курсы казу? Как их можно ускорить?

Моллюск казался оскорбленным.

– Еще как можно, если играть разом на тысяче. Я играл в квартете. Представляешь?

Форд не стал спорить. Он блаженно закрыл глаза, наслаждаясь хлюпаньем присосок по спине и пытаясь представить себе четыре тысячи казу, играющих в безупречной подводной гармонии.

Чуть позже моллюск обвил Форда полудюжиной щупалец и осторожно перевернул на спину. Форд приоткрыл один глаз, чтобы прочесть надпись на бэджике у моллюска.

Меня зовут Барзу, гласила надпись. Пользуйся мной по своему усмотрению.

И ниже, совсем мелким шрифтом:

У меня аллергия на резину.

– Ладно, Барзу. А что ты исполнял?

– В основном старое. Кавер-версии. Слышал когда-нибудь о Хотблэке Дезиато?

«А ведь я слышал это имя», – сообразил Форд, но никак не мог вспомнить, где именно. Все вообще делалось с каждым днем все туманнее.

– Хотблэк Дезиато. Разве он не умер уже?

Барзу склонил голову набок, обдумывая это, и приоткрыл клюв, не обращая внимания на проплывавшие мимо стуски планктона.

– Эй, не можешь вспомнить – не переживай. У меня здесь тоже проблемы с памятью. С мелочами вроде того, как давно я здесь, или в чем смысл моей жизни, или на какую ногу надевать туфли. Ну, типа того.

Моллюск не ответил, и щупальца его тяжелыми канатами давили на торс Форда.

Форд надеялся только, что Барзу не умер, ибо что будет, если тот действительно перейдет в другое энергетическое состояние? Его присоски перестанут присасываться? Или, наоборот, присосутся насмерть? У Форда не имелось ни малейшего желания провести остаток отпуска на операционном столе, пока щупальца будут удалять хирургическим путем.

Тут Барзу заморгал.

– Эй, приятель, – вздохнул Форд, выпустив из шлема новую струю пузырьков. – Добро пожаловать. А мне-то на мгновение показалось...

– Батарейка, – произнес моллюск, прищелкнув клювом на букве «Т». – Батарейка.

«Как же я не замечал прежде, – подумал Форд, – что этот кальмар здорово похож на птицу».

А потом пещера для подводного массажа как-то рассосалась, и Форд Префект оказался в комнате, сложенной из синего неба.

В противоположном углу комнаты сидела знакомая фигура.

– Ох, – произнес Форд, вспомнив все.

Необходимое пояснение. Процесс, в результате которого вы вспоминаете что-либо, как правило, происходит в две стадии, и участвуют в нем сознание и подсознание вашего мозга. Открывает его подсознание, вбрасывая в мозг косвенно относящееся к делу воспоминание – процесс, сопровождающийся всплеском довольных собой эндорфинов.

– Отменно проделано, дружище, – комментирует сознание. – Это воспоминание как раз сейчас может оказаться чертовски кстати, а я не помнило, куда его засунуло.

– Ты и я, чувак, – отзывается подсознание, явно польщенное тем, что его вклад хоть раз отмечен. – Мы одна команда!

Затем сознание внимательнее изучает подброшенное ему воспоминание и посылает по нервным пучкам депешу анусу, советуя ему подготовиться к худшему.

– Кой черт ты напомнило мне именно это? – обрушивается оно на подсознание. – Это же ужасно. Чудовищно. Я не желаю **этого** помнить. Кой черт, заарктуру твою медь, я вообще поместило тебя к себе в мозги... пусть даже на задворки?

– Чтоб я тебе хоть раз еще помогало, – обиженно бурчит подсознание и убирается в самый темный угол себя самого, где гнездятся жутко противные мысли. – Ты мне не нужно, – заявляет оно самому себе. – Я вполне могу сложить личность и из тех штук, что ты выбросило на свалку. – Собственно, именно так в мозгу поселяются первые зародыши шизофрении, сложенные из детских обид, унижений, заниженной самооценки и предубеждений.

К счастью, подсознания у уроженцев Бетельгейзе не так уж много, так что в данном случае все происходило проще.

– Ох, – повторил Форд и почти сразу же добавил: – Блин.

Он потрогал ногой пол из неба и не без удивления заметил, что нога его при этом слегка замерцала искрами.

Я не настоящий, сообразил он, и одного этого хватило, чтобы засадить занозу в его неизменно лучезарное настроение. Впрочем, он оправился почти мгновенно, чего никак нельзя было сказать о втором обитателе комнаты.

– Посмотри на это с другой стороны, старина. По крайней мере ты не лежишь на земле перед бульдозером, правда? По крайней мере нас не вышвыривают из шлюзовой камеры вогонского корабля. И небесная комнатка у тебя не то чтобы очень уж ветхая. Все могло быть хуже, гораздо хуже.

И очень скоро так и будет, если я правильно понял суть происходящего...

...подумал Форд, но вслух говорить не стал. Судя по виду Артура, свою порцию плохих новостей на этот день он получил уже с избытком.

Прежде чем выйти в студию для, возможно, важнейшего интервью в своей профессиональной карьере, межпланетный репортер-новостник Триллиан Астра провела несколько напряженных минут в туалете для представителей прессы. За ее долгую карьеру Триллиан довелось провести год, работая нелегально клерком у простатников в звездном скоплении Мегабрантиса. Она потеряла левую ногу, отморозив ее во время налета рейдеров на мандранитовые копи Беты Ориона. Совсем недавно она подверглась нападению вселенских ортодоксов, когда опрометчиво усомнилась в своей статье в эффективности выпрямляющих зубы заговоров.

Имя Триллиан было известно в Галактике. Карьера ее находилась в зените, ее опасались теневые политики, воротилы кинобизнеса и беременные незамужние звезды от Альфы Центавра и до Уитводля VI, однако на этот раз некоторую робость испытывала она сама.

Президент Галактики Рэндом Дент. Ее дочь. Прямая трансляция с Максимегалона на аудиторию примерно в пятьсот миллиардов зрителей.

Она нервничала. Нет, не просто нервничала. Она пребывала в ужасе. Триллиан не видела дочери с...

Господи, поняла она. Я ведь не могу даже вспомнить, когда видела Рэндом в последний раз.

Триллиан попыталась успокоить нервы с помощью нехитрого ритуала.

– Неплохо выглядишь для старой клячи, – заметила она зеркалу.

– Ты действительно так считаешь, до'огуша? – отозвалось зеркало, явно оскорбленное тем, что находилось в поле зрения его сенсоров. – Если уж это «неплохо», значит, ты нет'ебовательна к станда'там.

Триллиан вспыхнула.

– Да как ты смеешь? Повидай ты с мое, переживи ты с мое – думаю, ты бы согласилось, что я выгляжу еще очень даже ничего.

Зеркало вздохнуло всеми восемью встроенными в раму динамиками.

– Вовсе не обязательно читать мне ку'с исто'ии, до'огуша. Я не знаю, что было – я вижу, что есть. А вижу, позволь сказать тебе п'ямо и отк'овенно, что ты точь-в-точь Эксцент'ика Галлумбиц в разгар т'етьего цикла. И пове'ь мне, до'огуша, к т'етьему циклу этой ста'ой 'азвалины почти все об'ащается если не в газ, то в жидкое аг'егатное состояние. Будь я на твоём месте, я бы купила себе хо'ошее полотенце, халат и...

Триллиан шагнула вперед и врезала кулаком по кнопке, отключающей звук.

Какому дураку вообще пришла в голову мысль одушевлять зеркала? Она еще помнила времена, когда модулем индивидуальности от Кибернетической Корпорации Сириуса оснащались только самые дорогие андроиды... ну, и еще отдельные, очень редкие входные двери.

Может, Триллиан и не хотелось слушать то, что имело сказать зеркало, но она не могла не признать, что оно говорит правду.

Она казалась старой. Точнее, древней.

*Это все потому, что я и на самом деле **древняя**. По земному летосчислению мне сто пятьдесят лет. Тому, что от меня осталось.*

На протяжении долгих лет работа репортера отщипывала от Триши Мак-Миллан кусок за куском, так что скоро, судя по всему, останется только Триллиан. И это не просто метафора: Триллиан Астра никогда не боялась жертвовать ничем ради работы – ни друзьями, ни семьей, ни различными частями своего тела.

Ногу она потеряла на Бете Ориона во время беспорядков на рудниках. Семьдесят пять процентов кожи сгорели в плазменной вспышке на передовой у пещер Гаммы Карфакса. Левую руку изуродовал по самый локоть трос песчаного краулера на гражданской войне в Дорделле, а правый глаз ей выкололи маленьким заостренным флагштоком на молодежном зимнем фестивале Ванго-Панго на Кагракашке.

В общем, от изначальной Триши Мак-Миллан остались мозг (с добавлением оздоровительного раствора), один зеркальный глаз, пара щек (одна на лице, вторая на ягодице), некоторое количество мелких, второстепенных костей и с пол-литра человеческой крови. Остальные три литра представляли собой не кровь, а слезы, собранные в улье серебряязыких дьяволов – мелких млекопитающих, ареал распространения которых ограничен системой Гастромили. Несчастливым зверькам крепко не повезло, поскольку применение находят абсолютно все части их тела, от длинных серебряных язычков до мыслеволн, на которые можно настроить антенну, и тогда прием видеосигналов улучшается на порядок, даже если вы обитаете в дыре на задворках Галактики. Те же самые горе-философы, которые использовали существование рыбки-вавилонки в качестве доказательства того, что Бога нет, провозгласили серебряязыких дьяволов свидетельством существования Сатаны – каковой аргумент признает ущербным даже картофельный клубень с пропущенным через него электрическим разрядом. Впрочем, самим философам на эту ущербность наплевать. Светила науки вообще склонны к противоречиям.

По злой иронии судьбы, Триллиан попала на Гастромилю как раз для того, чтобы осветить демонстрацию в защиту серебряязыких дьяволов, и именно на ней угодила под колесницу, изображающую серебряязыкого дьявола, сооруженную, что само по себе еще более иронично, из шкур серебряязыких дьяволов, каковую иронию Триллиан дополнительно усугубила тем, что вливали ей слюну серебряязыких дьяволов, не снимая с нее футболки с надписью «ЗАЩИТИМ СРЕБРОЯЗЫКИХ ДЬЯВОЛОВ!». Позже в печать попала (стараниями той же Триллиан) информация о том, что подобный избыток иронии послужил причиной смерти одиннадцати присутствовавших на демонстрации эмпатов. Даже двенадцати, если считать еще одного эмпата, и без того постоянно страдавшего депрессией.

Триллиан разгладила синтетическую кожу на щеке. Она была гладкой, но слегка натянутой. Выписывавший ее врач обещал, что со временем кожа чуть растянется, но этого так и

не произошло. Случались дни, когда Триллиан казалось, будто лицо ее натянуто на череп как резиновый шарик.

Кто-то из ее сослуживцев описал ее раз как стройного, смуглого гуманоида с длинными, волнистыми черными волосами, маленьким носом-кнопкой и забавными карими глазами.

И только.

Кстати, день сегодня был как раз из этих, неудачных.

Рэндом. Спустила столько лет.

Каждый раз, заглядывая в глаза дочери, она словно смотрела в колодцы собственной вины.

Триллиан шлепнула ладонью по зеркалу.

– Ой! Эй! – возмутилось зеркало, наплевав на выключенный звук.

Триллиан не стала обращать на это внимания.

Ей нужно собраться. Черт, она же самый уважаемый репортер Галактики, а это что-нибудь да значит. Ей нужно загнать все свои комплексы в коробку, крепко закрыть крышку и заняться работой.

Триллиан подергала за волосы проверить, крепко ли держится парик, расправила плечи и вышла в зал брать интервью у дочери – та уже находилась некоторое время на борту низкогравитационного репродуктивного спутника-клиники в системе звезды Барнарда.

Триллиан поежилась. Одной утренней тошноты ей хватало за глаза, так что она с удовольствием обошлась бы без пониженной гравитации.

У Рэндом имелись все основания чувствовать себя ущербной: отца ей заменила пробирка, родную (и то с большой натяжкой) планету уничтожили сразу в нескольких измерениях, а мать, бросив на нее один-единственный взгляд, снова отдалась карьере, месяцами державшей ее вдали от дома.

Стоило ли удивляться тому, что Рэндом бывала несколько резковата.

Президент Рэндом Дент сидела, закинув ногу на ногу, в парящем кресле-яйце, напевая себе что-то под нос.

– ...На зубах хрустят его бе-елые косточки!

Занавес еще не поднимали, но гул собравшейся в зале публики доносился до нее сквозь толстую бархатную ткань. Настоящий бархат, не какая-нибудь там сопливая голограмма; университет без особой радости, но уступил Рэндом и пошел на такие расходы. Будучи несомненным консерватором, президент полагала, что в Галактике есть еще место старым добрым традициям.

Она с мягкой улыбкой смотрела на то, как ее мать поднимается на сцену. Издали могло показаться, что они поменялись ролями, и что это Триллиан приходится президенту дочерью, но при ближайшем рассмотрении все становилось на свои места. На лице Триллиан места живого не осталось, не тронутого скальпелем.

При виде дочери репортер чуть сбилась с шага, но тут же взяла себя в руки.

– Вы прекрасно выглядите, мадам президент, – произнесла она тоном профессионального репортера, общим для всей Галактики от сектора ZZ9 и до Асгарда.

– Ты тоже, мама, – отозвалась Рэндом.

Триллиан опустила во второе кресло-яйцо и порылась в своих записях.

– Президент Рэндом Случайный Путник Дент. До сих пор столько имен?

Рэндом улыбнулась невозмутимой улыбкой человека, с которым уже много лет не случилось истерик.

– А ты, Триллиан Астра? Так и живешь под чужим?

Триллиан улыбнулась – немного натянуто. Интервью обещало выдаться непростым.

– Зачем нам ссориться, Рэндом? За последние двадцать лет мы виделись раз десять, вряд ли больше. Зачем – теперь, когда моя карьера идет на спад? Я специально сорвалась с фестиваля красоты на Новом Бетеле ради главного интервью моей жизни.

Рэндом снова улыбнулась, слегка скривив обветренное лицо. Ее чуть тронутые сединой волосы сделались жесткими от солнца и соленой воды.

– Я знаю, мама, что мы некоторое время не виделись. Даже слишком долго. – Она погладила прикипший к ее шее комочек меха, и тот негромко мяукнул.

Триллиан успела заметить маленькие острые зубы и хвост, и ее сердце тревожно сжалось.

– Я слышала об этом зверьке. Твой постоянный спутник. Это же что-то вроде маленькой песчанки, верно? Хорошенький.

– Он больше, чем просто хорошенькая песчанка, мама. Фертль – мой друг. Флабуз. Взрослый. Очень много знает, может общаться телепатически. – И тут она взорвала бомбу. Из тех, что не оставляют камня на камне от карьеры. – Мы вчера поженились.

Кожа на лице Триллиан, казалось, натянулась еще сильнее.

– Вы поженились?

– Разумеется, союз чисто духовный. Хотя Фертти нравится, когда я чешу ему животик.

«Держись, – напомнила себе Триллиан. – Ты же профессионал».

– Позволь мне уточнить. Ты *телепатически* общаешься с... с Фертлем?

– Разумеется. Именно общение делает семью семьей. Или ты этого не знала?

Тут Триллиан все-таки забыла о том, что она репортер, и стала просто матерью.

– Поменьше дурацких фокусов, юная леди! Речь идет о твоей жизни, не о чем-нибудь. Ты Рэндом Дент, президент Галактики. Ты объединила разумные расы. Ты присутствовала на официальной церемонии Первого Контакта. – Триллиан уже вскочила. – Ты содействовала развитию экономики в космосе. Ты боролась за равноправие инопланетян.

– А теперь я хочу чего-то для себя самой.

Триллиан сжала кулаки, душа воображаемого Фертля в шести дюймах от носа настоящего.

– Но не песчанку. Не, Зарк ее подери, гребаную песчанку. Как песчанка родит мне внуков?

– Мы не хотим детей, – жизнерадостно сообщила Рэндом. – Мы хотим путешествовать.

– О чем ты говоришь? Он же песчанка.

– Он, – наставительно произнесла Рэндом, – флабуз – как тебе прекрасно известно. И уж от кого-кого, а от тебя я ждала понимания. От грозной Триллиан Астры. От кумира всего человечества, за исключением родной дочери.

Триллиан показалось, что в крошечной тьме мелькнул слабый луч света.

– Постой. Что? Это все ради меня? Ты собираешься загубить свою жизнь, чтобы достучаться до меня? Не слишком ли извращенно для мести, Рэндом?

Рэндом щекотала мужа до тех пор, пока тот не прыснул.

– Не говори ерунды, мама. Я пригласила тебя сюда, чтобы ты представила Галактике своего зятя. Это станет пиком твоей журналистской карьеры и воссоединит нас в одной семье.

Только теперь до Триллиан дошла вся гениальность замысла Рэндом. Стоит ей объявить об этом брачном союзе по всей сети трехмерного спектровидения, и она превратится во всеобщее посмешище. А не объявит – окончательно и бесповоротно потеряет дочь, которая при этом, вероятно, выжмет из ситуации все, чтобы сохранить за собой кресло на второй срок. По крайней мере за нее будут голосовать флабузы, а это чертовы миллиарды голосов.

При одной только мысли Триллиан передергивало. *Женаты!*

– Забудь об этом, Рэндом. Тебе не удастся использовать меня в своих целях. Как только отсюда выйду, отыщу твоего отца, и он с тобой разберется.

Рэндом расхохоталась, напугав супруга.

– Артура? Ты хоть представляешь себе, на что он готов, только бы не конфликтовать ни с кем? – Она помолчала, склонив голову набок. – Ферти говорит – и я с ним согласна, – что тебе придется объявить об этом, мама. Галактика ждет великих новостей.

– Ни в коем случае. Я отказываюсь быть орудием в чужих руках.

– Конечно. Ты предпочитаешь быть орудием в руках медиа-магнатов, оставаться таким роботом, какой ты стала. Да у тебя вообще есть еще хоть что-нибудь подлинное? Ты можешь свести меня с моей матерью-человеком? Или, может, тебе известно, где зарыт ее позвоночник?

Триллиан почти испытала облегчение, поняв, что от цивилизованного поведения можно отказаться.

– Иди к черту, Рэндом.

Президент кивнула.

– Вот, Ферти. Вот она какая. И ты еще удивляешься, что меня трудно читать? При тех-то укреплениях, что пришлось мне соорудить вокруг мозга?

Триллиан уже почти визжала.

– Ты разговариваешь с чертовой игрушкой!

На это Фертль, похоже, отреагировал.

***Необходимое пояснение.** Хотя ушей у флабузов, как известно, нет, они чрезвычайно чувствительны к вибрации и в особо экстремальных условиях способны буквально взорваться. Рекорд по количеству одновременно взорвавшихся флабузов удерживает уроженец Асгарда Тор, некогда рок-идол – это произошло при презентации его новой композиции «Ну-ка, помо-лотим!» на орбите Дельты Скорпионеллоса. Предыдущий рекорд был поставлен интергалактической рок-группой «Зона бедствия», уронившей сабвуфер в кратер вулкана, где флабузы как раз отмечали праздник Статического Электричества.*

Фертль взъерошил мех и открыл крошечную пасть, которая стала вдруг больше похожей на клюв.

– Батарейка, – произнес Фертль металлическим голосом.

– Что? – встрепелась Триллиан. – Мне послышалось, или флабуз действительно заговорил? Вот это сенсация, да.

– Батарейка, – повторил Фертль, на этот раз настойчивее.

Бархатный занавес медленно поднялся, но никакой публики за ним не оказалось, только зал из голубого неба и две человекоподобные фигуры.

Рэндом и Триллиан вскочили и стояли, разинув рты; теперь семейное сходство стало, несмотря на все подтяжки и импланты, несомненным.

– Что происходит? – спросила президент, голос которой сделался на октаву выше. – Мама? Что происходит? Где мои журналисты?

– Не паникуй, – отозвалась Триллиан, прилагая все усилия к тому, чтобы голос ее не дрогнул. – Здесь что-то происходит.

– Что-то происходит? – взвизгнула Рэндом. – И это все? Ты столько лет провела на передовой, и все, что ты можешь сказать – это «что-то происходит»? Это попытка похищения, вот что это! Нас куда-то перенесли.

Триллиан всмотрелась в человекоподобные фигуры, которые с каждой долей секунды казались ей все более знакомыми, словно с глаз ее спадала пелена забвения.

– Похищение? Нет, не думаю. Не этими двумя. Они безвредны... в основном.

Рэндом взяла себя в руки и приняла свою любимую президентскую позу: ноги на ширине плеч, руки крест-накрест на груди.

– Вы, двое. Что вы натворили? Я хочу знать, где мы находимся.

Тот, что пониже, обратил внимание на вновь появившихся... впрочем, у него и выбора особого не было, поскольку одна из двух кричала.

– Мне кажется, разумнее было бы спросить, *«когда мы»*, потом, возможно, *«кто поместил нас сюда»*, ну и, наконец, *«есть ли здесь тележка с напитками?»*.

Рэндом нахмурилась.

– Последнее, конечно, особенно актуально. Как бы вы, молодой человек, ни ерничали, я прекрасно понимаю, что в глубине души вы так же напуганы, как мы.

Молодой человек улыбнулся.

– Я с Бетельгейзе, Рэндом. У нас нет глубины души.

Рэндом открыла было рот для отповеди, но тут узнала второго мужчину, и это потрясло ее так, словно ей в лицо засветили плазменным тортом.

– Отец? Папа? Па?

– Выбирай любой вариант, – предложил уроженец Бетельгейзе. – Все легче разговаривать.

Триллиан ринулась через комнату со скоростью, какой не развивала уже много лет.

– Вот и посмотрим, что твой отец скажет насчет твоего брака.

Рэндом почему-то вдруг резко помолодела.

– Папа, – всхлипнула она. – Папа! Моя идиотка-мать не любит моего мужа!

Отец уронил голову на грудь. Ему отчаянно хотелось вернуться к чаепитию.

2

Форд Префект обследовал небесную комнату. Он дышал на стены, чтобы увидеть, не запотеет ли поверхность, он строил стенам зверские рожи в ожидании ответной реакции, а в конце концов осторожно дотронулся рукавом. Когда материал рубашки не выказал признаков возбуждения электронов от высокой температуры, Форд осмелел настолько, что ткнул в стену пальцем. Стена тут же пошла рябью, и по ней побежали, сменяя друг друга, сцены брачной церемонии флабузов, хижин на тропическом пляже и диких оргий. Рябь, а вместе с ней иллюзорные воспоминания улеглись, и стена снова не показывала ничего, кроме лазурного неба.

– Вы не возражаете? – произнес голос, исходивший, казалось, отовсюду. – Выражаясь несколько старомодно, порох в пороховницах сыроват уже... Если вы согласны посидеть неподвижно, я могла бы поддержать эту иллюзию еще немного.

– Так ты говоришь, эта, заарктуру твою медь, комната – иллюзия? – возмутился Форд, снова ткнув в стену пальцем.

– Вы не... Разве я не говорила... Ну да, да, иллюзия. Этот вестибюль существует исключительно у вас в головах. У вас у всех. Эта комната виртуальна. Или вам хотелось бы, чтобы я донесла эту информацию до вас иным способом?

Форд почесал подбородок и не без огорчения заметил, что он не столь скульптурен, каким был на Хэй-Виляй.

– А как насчет видео?

Небо разом исчезло, сменившись несколькими изображениями птицы-робота, нетерпеливо щелкавшей клювом.

– А, – кивнул Форд. – Путеводитель «Автостопом по Галактике, мод. II». Так я и думал. Я тебя не видел с... – Форд порылся в воспоминаниях (которые с каждой секундой делались все отчетливее), – с тех пор, как ты пыталась разнести Землю к чертям собачьим.

– Вовсе нет, – возразила птица. – Совсем не с тех пор. Подумай хорошенько.

– Я вижу, ты апгрейдилась. Перья, там, золотые...

– Это иллюзия, бетельгейзианин. Я выгляжу так, как хочу выглядеть. Как делал ты – там, на курорте. Помнишь подбородок?

Форд мечтательно вздохнул.

– Еще бы. Это было круто. Особенно тень – профиль прямо-таки божественный.

– Я видела нескольких богов, – заметила птица. – У некоторых с подбородком так себе. Как по-твоему, зачем Локи так культивировал свою бороду?

Форд немного подумал.

– Возвращаясь к моему вопросу... так как насчет видео?

H2G2-2 нахмурилась, что, поверьте, не так просто сделать с клювом вместо носа.

– Ты что, не слышал? Порох в пороховницах заканчивается. Я не смогу долго удерживать этот вестибюль.

– Да тут ничего сложного. Всего-то двухмерная анимация, древняя такая хреновина. Я знаю, ты сможешь, если захочешь как следует.

Птица драматически закатила глаза и исчезла с одной из стен, а на ее месте возник черный экран с четырьмя схематическими, почти проволочными фигурами. У одной имелись в наличии немного неестественные выпуклости на груди, у другого – ущербный подбородок.

– Ха-ха, – хмыкнул Форд, обращаясь к небу. – Очень смешно.

На экране возникла мультяшная птица, парящая над головами четырех проволочных человечков.

– Добро пожаловать, – объявила птица, – на видеопрезентацию, которую мне хотелось бы назвать «Иллюзии для идиотов».

Форд предупреждающе помахал в воздухе пальцем.

– Значит ли это, что все люди в построенной тобой иллюзии идиоты, или это просто идиотское объяснение?

Птица не обратила на него ни малейшего внимания.

– Как многомерный, суперсовременный, всезнающий путеводитель, оснащенный лучшей моделью мордоорганического мозга, способной производить более десяти триллионов операций в наносекунду...

– Поближе к делу! – рявкнул Форд экрану. – И быстрее, а то я задницей чувствую приближение плохих новостей, и мне хотелось бы побыстрее понять, в чем их суть. Кое-кто в этом помещении неважно справляется с плохими новостями, и мне стоило бы предварительно обработать истину, прежде чем выкладывать ее.

– Что ж, если ты кончишь ныть...

– Я кончил. Будь добра, продолжай.

Птица неспешно откашлялась, наслаждаясь драматическим эффектом.

– Как я говорила уже... Будучи столь совершенным биогибридным организмом, я без труда воткнула пучок нейронов в центры сна каждого из ваших мозгов – кстати, бетельгейзианец, твой найти оказалось сложнее – ну, а потом замкнула вашу нейронную сеть на мою.

Форд нахмурился.

– А ну покажи мультики, – потребовал он.

Голубые лучи протянулись от кончиков крыльев нарисованной на экране птички; они воткнулись в уши нарисованных человекоподобных фигур, выскочили у каждой из другого уха и, вернувшись к H2G2-2, уперлись ей в лоб.

– То есть ты нас усыпила и спроецировала сновидение?

– Я продлила вам жизнь, и довольно надолго.

– Но эта жизнь чисто виртуальна, так что на деле мы нигде не были?

– Совершенно верно. Нигде и никогда.

– Значит, мордоорганический, говоришь?

– Я старалась объяснить по возможности сжато.

Форд снова потыкал в стену, на этот раз двумя пальцами, наблюдая за причудливым взаимодействием нескольких разных изображений.

– Значит, все это сон. И не только эта комната?

– Нет, – холодно ответила эта птица. – Не только эта комната.

Форд потыкал еще.

– А как далеко назад?

– До «Бета-клуба».

– «Бета-клуб»... Что-то не нравится мне, как это звучит. Как пожарная рында. Бета-дзынь-блям-клуб. – Форд перестал расхаживать вдоль стены и застыл на месте. – Пресвятые какашки!

– Большое спасибо, – заявила птица – Путеводитель «Автостопом по Галактике, мод. П», – за несдержанность выражений. Я запрограммирована подпитываться энергией оскорблений.

– Можно подумать, мы так не умеем, – огрызнулся Форд.

Необходимое пояснение. У некоторых биологических видов, например, у цифролей с Сезефраса Магны, газового гиганта из системы Плеяд, дело обстоит в буквальном смысле слова так. Цифроли – крошечные плавающие представители семейства гастро-зоо, поглощающие излучаемую хищниками враждебную энергию и использующие ее в качестве собственного источника энергии. Чем больше злится хищник, тем быстрее уплывают от них в газовом океане цифроли. Сезефрас-магнусианские газовые драконы научились подбираться к цифролям как бы невзначай – небрежно насвистывая какой-нибудь модный мотивчик или притворяясь,

будто ищут оброненную монетку. Как правило, цифроли попадают на эти дешевые приемы, и их не спасают ни мощные энергетические фильтры, ни детекторы заподлянки.

Память у Форда прояснилась все-таки не до конца.

– «Бета-клуб»? В Лондоне? Но это же... Я даже не помню, как давно это было!

– Это было тогда, и это есть сейчас. Мое восприятие не фильтруется, поэтому я способна видеть все точки моего существования одновременно.

– А где находимся мы – нищие существа с фильтруемым восприятием? – Чем дальше, тем меньше нравилась Форду эта птица; он решил, что она не начнет ему нравиться, даже если желудок ему будут разжевывать несколько порций «Пангалактического грызлодера».

– Вы все еще находитесь в клубе. С тех пор не прошло ни секунды.

Форд схватился за волосы.

– Зачем? Зачем, заарктуру твою медь?

Мод. II закатила свои многопиксельные глаза.

– Вот и оказывай после этого кому-нибудь услугу. Нет, правда.

– Услугу? – возмутился Форд, плюнув на то, что его могут услышать остальные. – Если бы ты хотела оказать нам услугу, могла бы убраться нас к чертовой матери с этой планеты, которую вот-вот разнесут в клочья.

– Это вступило бы в прямое противоречие с заложенной в меня программой. Я просто продлила вам жизнь на несколько десятилетий.

– Кто тебя об этом просил? Не я!

– Подобная просьба поступила от Рэндом Дент. Она вторая по старшинству из моих хозяев. Когда землянин-подросток поняла, что планету, на которой она находится, уничтожат, она высказала сожаление о том, что ей не дали возможности прожить жизнь так, как она хотела. Я выполнила ее пожелание таким образом, чтобы оно не противоречило моей первоочередной задаче.

– А что мы, остальные?

– Мисс Дент включила в свое пожелание родителей, а также их тугоумного приятеля с маленьким подбородком.

Форд чувствовал себя уязвленным.

– Маленьким подбородком? Она так и подумала?

– О да, – с нескрываемым ехидством ответила птица. – Несколько раз.

Тут до Форда начало что-то доходить.

– Вторая по старшинству? А кто первый?

– У тебя нет полномочий меня допрашивать! – огрызнулась птица.

Форд избрал тактику газовых драконов с Сезефраса Магны.

– Я понимаю. Само собой, столь потрясающее существо, как ты, не обязано отчитываться перед низкорожденным бетельгейзианцем вроде меня. Однако не кажется ли тебе, что для меня не было бы горше пытки, чем постигать всю замысловатость твоего сложного плана?

Птица склонила голову набок.

– Я знаю, что ты задумал.

– Разумеется.

– Я воспринимаю все отдельные моменты времени разом.

– Но тогда и спорить не о чем, правда? Ты ведь и так знаешь, что будет.

– Логично. Что ж, хорошо. Меня сконструировали вогоны, чтобы я заманила вас всех на Землю, прежде чем ее уничтожат грибулонцы.

– Что и происходит *сейчас*.

– Раз уж ты догадался, да. Сейчас.

– Нас спасут?

– Скорее всего нет.

– И ты подарила нам те жизни, которых мы хотели?

– Нет. Я подарила вам свободу выбора и иллюзии. Каждый из вас следовал по выбранному вами пути под моим надзором.

Форд подмигнул птице.

– Я понял. Теперь все ясно. Ты хотела испытать жизнь в реальном времени.

Мод. II медленно опустила клюв и скрестила крылья на груди.

– Я прожила ваши жизни вместе с вами, не зная, что будет в следующий момент. Это было восхитительно... хаотично.

– А теперь?

– Теперь? Теперь я *точно* знаю, что происходит. Поддержание четырех иллюзорных Вселенных на протяжении ста иллюзорных лет истощало мои энергетические ресурсы. Я протянула так долго только потому, что последние двадцать виртуальных лет объединяла время от времени две иллюзии в одну. Возможно, я могла бы догадаться об этом и раньше, но линейное время столь внезапно... Через пять виртуальных минут эта комната исчезнет, и вы останетесь на Земле в ожидании грибулонских лучей смерти.

Во рту у Форда как-то сразу пересохло, а мысли отказывались цепляться друг за друга. Ему очень не хватало перерыва с коктейлями.

– Пять минут?

– Отсчет пошел, – объявила птица и скрылась из виду. На тех местах, где только что находилось ее изображение, виднелись теперь несколько цифровых табло. Только что на них значилось «4.57» – и вот уже «4.56». Ну, вы поняли.

– И с чего это землянам так нравятся цифровые табло? – буркнул себе под нос Форд и повернулся к землянам, которые делали все, что в их силах, чтобы избежать хотя бы намека на вежливость по отношению друг к другу.

Старик на поверку оказался не таким древним, каким был всего секунду назад. Такой вывод он сделал, исходя из упругости кожи и неожиданно обновившейся остроты слуха.

Я слышу каждое чертовое слово из тех, что визжат мне эти женщины. Тоже мне, счастье...

– Артур! – орала старшая. Буквально орала. Никто не орал на него уже... несколько десятилетий, никак не меньше. – Ты меня вообще слушаешь?

С радостью бы этого не делал, подумал Артур, не поднимая головы.

– Я ее ненавижу! – визжала девушка-подросток. – Она меня бросила, а теперь хочет, чтобы я ее слушалась! Что за фигня вообще такая?

– Артур?

– Папа?

– Я к тебе обращаюсь, Артур Дент!

Артур Дент... Это имеет к нему какое-то отношение. Это вроде он и есть.

– Артур Дент, – пробормотал Артур Дент, и ему самому не понравилось, как это звучит.

– И это все, что ты можешь сказать? Спусти столько лет?

– Я старый, усталый человек, – с надеждой в голосе произнес Артур. – Оставьте меня в покое.

– Старый? – возмутилась женщина. – О чем это ты – «старый»? Ты выглядишь в точности так, как при нашей последней встрече. *Один-в-один!* Как тебе это удалось?

Вот этого Артур и боялся. Столько лет в блаженном одиночестве на пляже – и вот он снова в такой Вселенной, где на него орут, а он и понятия не имеет, что происходит.

– Как мне удалось? Что удалось?

– Остаться таким молодым! Я моложе тебя, а выгляжу как силиконовый имплант, который провел ночь в тостере. Какого черта я так старалась с этими протезами? Лучше бы я уволилась. Ну, или брала с собой Рэндом. Другие родители поступают же так.

Артур смирился с тем фактом, что возвращение на пляж ему не светит, и посмотрел на женщину. Перед ним стояла стройная смуглая молодая дама с вьющимися черными волосами до плеч, темно-кариими глазами, в темном, мерцающем искрами брючном костюме.

В мозгу его забрезжило и тут же оформилось воспоминание.

– Триллиан! Ну ты и красавица!

Карие глаза заморгали.

– Иди к черту, Артур. Я сюда не за утешениями пришла.

– Извини. Но выглядите, мисс, просто обалденно.

– Артур. Я ведь Зафода выбрала на той вечеринке, так что смиришься и не раскатывай губу. И вообще, привыкай меня видеть такой, какая я есть. Кстати, протез ножной у меня жужжит.

– Правда? Я этого не заметил, а *должен* был бы – слух как-то резко обострился.

Триллиан коснулась пальцами левой берцовой кости, ожидая ощутить ту проклятую вибрацию голени, что не давала ей спать по ночам.

– Не жужжит...

– Мама, – окликнула ее из-за спины Рэндом. – Ма!

Триллиан вдруг заметила, что ногти у нее настоящие, собственные. Не акриловые накладки.

Я молода. То есть помолодела. Как такое случилось? Время пошло вспять?

– Ма!

– Подожди минуту, Рэндом. Пощекочи свою игрушку или еще чего.

– Фертль пропал, ма. Я снова никто.

Триллиан осознала чудовищность произошедшего и бросилась утешать дочь.

– Все хорошо, милая. Мы снова можем жить своей жизнью.

Рэндом стиснула кулачки.

– Я не хочу просто жизни. Я хочу быть президентом Галактики. Разве это так много?

Президент, кстати, тоже исчезла, а на ее месте осталась зареванная девчонка-гот.

Необходимое пояснение. *Феномен готов распространен не только на планете Земля. У многих видов подростковый возраст сопровождается длительным злобным молчанием и искренней верой в то, что их подменили в роддоме, потому что не могут же их нынешние родители быть настолько непроходимо упертыми и зану-у-удными. Разница состоит только в том, что земные подростки выражают свою непонятость, наряжаясь во все черное и слушающая группы с названиями вроде «Блад-Шок» или «Плевок», юные хулулувуу (сверхразумы всех оттенков синего) декларируют свою неудовлетворенность Вселенной, задерживая дыхание до глубокого полилодения, а трубчатые зингатуляриш (глубоководные панцирные) доводят родителей до белого каления, общаясь друг с другом исключительно звуками из ануса.*

До Триллиан дошло, что дочь ее снова стала ребенком, и она стиснула ее в почти свирепых объятиях.

– Мы снова вместе. И папа тоже здесь. – На Триллиан накатила такая волна энтузиазма, что голова закружилась. – Вместе мы все, что угодно, можем делать. Ходить в походы, покупать сережки и всякую ерунду. Участвовать в маршах протеста – тебе это понравится. Долой международные корпорации, и все такое. Будущее в твоих руках. Ты снова *станешь* президентом Галактики, обещаю тебе.

Тут в их разговор, помахав полотенцем как белым флагом, вмешался Форд Префект.

– Мне не хотелось бы вываливать на ваши мечты мешок суфлинианского навоза, но, боюсь, на этой конкретной планете на избирательную кампанию времени может не остаться. Возможно, даже на выдвижение кандидатов.

Тут Триллиан задала Форду вопрос, который по странной закономерности звучал хотя бы раз в каждом их разговоре.

– О чем, черт подери, ты вообще говоришь, Форд?

Форд воздел руки, как заправский проповедник.

– Все это – все-все – иллюзия.

Необходимое пояснение. На протяжении всей известной нам истории человечества люди пытались уйти от реальности с помощью иллюзий. Самым дешевым способом справиться с отчаянием и безнадёгой является бегство в собственное воображение. Ну, например, тот или иной человек может целый день трудиться по шее в дерьме, но вечером преобразиться силой воли и воображения в сияющего рыцаря.

Само собой разумеется, у миллиардов людей воображение отсутствует как класс – как раз таким людям на помощь приходит «Пангалактический грызлодер». Пропустив пару стопок означенного средства, даже самый тупой, самый упёртый вогон начинает изображать стриптиз на барной стойке, распевать йодли и божиться в том, что он и есть король саксавинских княжеств Серого Заключения.

Увы, этот метод ухода от реальности действует, как правило, не больше двух недель, по истечении которых беглец обыкновенно умирает. Причиной смерти является бунт печени, которая собирает свои манатки и покидает тело через ближайший доступный выход.

Нельзя сказать, чтобы исход печени был особо приятен ее бывшему обладателю. Поэтому большинство разумных видов изобрели разнообразные формы иллюзорной реальности, скрашивающей их повседневную жизнь. Самым примитивным способом формирования такой реальности можно считать наскальные рисунки пещерного человека – правда, если вы дышите жабрами, краска будет плохо приставать к поверхности, на которой вы хотите что-то изобразить, а если вы попытаетесь сделать это на суше, краска, конечно, будет держаться, но при этом сохнут и ваши жабры. От наскальных рисунков разумные расы перешли к более совершенным формам иллюзорной реальности – например, к книгам: сначала с картинками, а потом и без них. Потом снова к картинкам на телеэкране. Потом к трехмерным, интерактивным, мультисенсорным и голографическим иллюзиям, с которыми не сравнится даже реальная жизнь. В случае газовых болот Ветропуска – даже близко не сравнится.

Газопукам с Ветропуска настолько осточертели и их название, и постоянно быющая в нос вонь гниющих водорослей, что они наняли сверхразумных магратов, чтобы те построили им идиллическую иллюзию, в которой могли бы навсегда поселиться все до единого газопуки – ну, за исключением, конечно, сменявших друг друга дежурных, обслуживавших эту виртуальную реальность и насосы газовых скважин. Иллюзию конструировала суперкоманда магратовских ученых в составе докторов Брютльвайна, Цеститиса и Ла Псика, заработавших к этому времени премию «Золотое Полушарие» за работу на Нью-Асгарде. Спустя пятнадцать лет иллюзия была готова к включению; по имени создателей ее назвали ДБ-ДЦ-ДЛП.

Довольно долго все шло тип-топ – все храпели в блаженной идиллии, а доходы от газового экспорта откладывались на банковских счетах. Но только до тех пор, пока компьютер по совершенно случайному совпадению не разбудил пятерых обитателей планеты, по странному, но опять-таки совершенно случайному совпадению, думавших меньше всего о благополучии сограждан. Эти пятеро – назовем их жопами – быстренько сообразили, что пока кошки предаются любимым виртуальным фантазиям, мышки могут обчистить их до последней нитки и зажить, катаясь как сыр в масле.

На осуществление этого плана у них ушло десять лет, но обчистили жопы родную планету и впрямь до последней нитки. Одновременно с этим маграты строили для них с иголки новую планету – славную, размером с Нептун, но подобную Земле по условиям обитания, запущенную на орбиту в системе Альфы Центавра. Жопы назвали свою планету Инкогнито и первым делом издали декрет о невыдаче граждан другим цивилизациям. А еще

спустя пять лет газопуки проснулись и обнаружили, что их памперсы полны, а планета воняет еще сильнее, чем прежде.

И какова мораль у всей этой истории? На самом деле их даже несколько. Во-первых, некоторые люди – ублюдки, которых близко нельзя подпускать к управлению чем бы то ни было. А еще – что магратиане никогда не упустят возможности заработать. Ну и, наконец: всегда держите под рукой запасные памперсы. Так, на всякий случай. Потому что никогда не знаешь заранее, как все обернется. Да и никто не знает.

– Четыре минуты, Форд, – произнес Артур спустя несколько секунд. На плечи ему как-то сразу навалились тяжелыми мешками смятение и беспомощность – так напрыгивают друзья-одноклассники, с которыми когда-то было весело, но которые до сих пор отказываются взрослеть и полагают, что нет ничего смешнее, чем подкладывать на стул пакетики-пукалки. – Как, черт подери, типично для этой гребаной Галактики. Наконец-то я вернул дочь, и тут ты сообщаем, что нас всех разнесут в клочья через четыре минуты.

Форд ободряюще похлопал его по плечу.

– Нет-нет, четыре минуты – это только до возвращения к реальности. На то, чтобы разделать планету своими лучами смерти, грибулонцам потребуется никак не меньше тридцати минут. Вот использовали бы они термояды – вышло бы на порядок быстрее и дешевле. Спроси вогонов: они никогда не пользуются лучами смерти.

– Ты ошибаешься, Форд, – заявила побледневшая от злости и досады Триллиан. – Я помню «Бета-клуб». Мы остались живы. Наша рыбка-вавилонка переместила нас на Милливейс. Я ясно помню.

– Ясно? Правда помнишь?

– Ну, может, не совсем ясно, – призналась Триллиан. – Все-таки это было очень давно.

– Нет, – буркнула Рэндом. – Никакая это была не рыбка-вавилонка, а вовсе единороги.

– Единороги... – вздохнул Артур, наконец убедившись в том, что Форд прав и что «Путеводитель Мод. II» предоставил им искать пути к спасению самостоятельно. Лично он, например, полагал, что спастись можно, только объединив усилия земных сверхдержав. Совершенно нереально.

– Точно, *Артур*. Нам на помощь пришел эскадрон космических единорогов. Я помню Искорку-Верную Подкову... мы в свое время в одной редакции работали.

Прежде чем все успели увлечься теорией с единорогами, Артур поспешно сменил тему.

– Через четыре минуты эта комната исчезнет, Форд, мы останемся беззащитными перед грибулонскими лучами смерти, а ты все еще считаешь раскрутку избирательной кампании *отличной* идеей?

– Я не называл это *отличной* идеей, – возразил Форд, который вообще не улавливал сарказма, разве только при полной концентрации, а это с ним случалось не чаще раза в год – обыкновенно когда ему предоставлялся последний шанс нажать на нужную кнопку... ну, или когда корабль взрывался. – Я считал это *неплохой* идеей. Если оценивать по десятибалльной шкале, где-то на четыре с половиной.

– Форд!

– Что, Артур, дружище?

– Ты в своем амплуа. Зря теряешь время. Может, придумаем что-нибудь?

Рэндом вытерла слезы рукавом. Ей нужно отмахнуться от боли и держаться – она всегда так делала, будучи президентом. Разве не добилась она своего, когда лучшие земные кулинары готовы были отказаться от профессии, не выдержав конкуренции с дентрассианами?

Необходимое пояснение. Повара-дентрассиане горазды потрепаться и препираются, даже когда все идет как надо. Поэтому из них получают лучшие ведущие кулинарных ТВ-шоу. Ну, и поскольку оплата у них повременная, они никогда и ничего не готовят заранее.

И разве не она разрулила ситуацию, когда жители Каппы Благулона выбросили на континентальную Европу парашютный десант из двадцати миллионов коров, чтобы те повысили процент метана в атмосфере?

Конечно, Земле повезло, что процент вегетарианцев на этом континенте невелик, так что коровы прожили совсем недолго. Тем более, это оказались коровы с Большого Емельяна, которые в буквальном смысле слова умоляют, чтобы их съели. Большинству из них не пришлось долго об этом упрашивать. А некоторых разделали еще прежде, чем их парашюты успели осесть на землю.

Я возьму все в свои руки, подумала Рэндом с решительностью, свойственной обычно более зрелому возрасту.

Она стряхнула обнимавшую ее мать.

– Слушайте, вы все. Мне приходилось бывать в переделках круче этой. Все, что от нас требуется – это с помощью «Путеводителя» подключиться к системам связи грибулонцев, и я поговорю с ними как будущий президент Галактики.

Форд погладил Рэндом по волосам.

– Помолчи, детка. Взрослые разговаривают.

– Ах ты, п&&добол! – взорвалась Рэндом, чего президенту позволять себе, конечно, не стоило бы.

– Спасибо, – пробормотал тронутый Форд: он всегда гордился своими навыками обращения в среде п&&доболов с Бейбум-лейн. – Однако с комплиментами можно бы и подождать.

– Подождать? – возмутился Артур. – Куда дальше ждть? Благодаря твоей дурацкой «Модели II» нам нечего больше ждть.

– Она не моя, – возразил Префект.

– Ты же ее украл, Форд. Ты послал ее сам себе на мой адрес. Разве это не делает ее твоей?

– Ага, значит, я ее *украл*. Значит, она не моя. Ты сам за меня ответил.

2.37, показало цифровое табло.

2.36

и

0.10... 0.09...

– Гм, – пробормотал Форд, почесывая воздух в том месте, где отказывался находиться его подбородок. – Это немного странно.

– Сам вижу, – согласился Артур. – Может, система исчисления изменилась? Прошло ведь не больше двух-трех секунд.

– Ну, если изменилась система исчисления, может, даже и меньше.

На экранах снова появилась птица, только теперь ее изображение то и дело покрывалось рябью и полосами помех.

– Прошу прощения. Все эти споры окончательно истощили мои батареи. Негативная энергия.

И Мод. II исчезла, а вместе с ней и комната с безмятежно-небесными поверхностями. Артур, Триллиан, Рэндом и Форд сидели на лестнице, ведущей к мужскому туалету модного (ну, до самого недавнего времени) «Бета-клуба» Ставро Мюллера, а воспоминания об их виртуальных жизнях таяли, как туман под ярким солнцем.

Вот она, реальность, догадался Артур. *Как это я так поверил в этот чертов пляж? Как он вообще мог показаться мне настоящим, если никто ни разу не попытался меня там убить?*

Воздух наполнился визгом, какофонией грохота и скрежета рушащейся цивилизации, жужжанием и шипением грибулонских лучей смерти, а также писком миллионов покидающих город крыс. Кстати, последний четверо наших героев понимали благодаря универсальным переводчикам «рыбка-вавилонка», имплантированным в их ушные отверстия.

– Я предсказывала это по собачьим потрохам, – возмущалась старая крыса-матрона по имени Одри. – Конец расы двуногих от зеленого света из космоса. Так ведь ни одна сволочь не послушала. Ни одна.

– Ой, мама, да что вы такое говорите? – хихикнул ее восемнадцатый сын Корнелиус. – Вы говорили, дорогу нам перейдет темный чужак.

– Вот они самые и есть – те, что пускают эти лучи смерти. А как ты их еще назовешь?

Корнелиус передернул усами, что у крыс равнозначно закатыванию глаз.

– Можно интерпретировать так, а можно иначе. Конкретнее надо говорить, мама. Неудобно – люди смеются.

– Не учи родную мать! – буркнула Одри и нырнула в водосточную трубу.

Остальные крысы говорили что-то вроде:

– О, нет!

Или:

– О, Муродьюм! (отец всех крысиных богов)

Или:

– Ёкалэмэнэ! Надо же – темный чужак!

Артур Дент сидел на ступенях в самом центре хаоса и ощущал какой-то странный покой. Ему ничего не оставалось, как радоваться тому, что он любил когда-то, что его тоже любили. Умирать оказалось круто. Нет, правда, КРУТО. Правда, не так круто, как ему казалось когда-то.

У подножия лестницы Триллиан и Триша Мак-Миллан разом утешали хнычущую Рэн-дом.

Чтоб ее, чертову плюральную зону, думал Артур. Ты улетаешь с одной Земли, а возвращаешься на другую. Та Земля, которую я покинул, уничтожена, а вернулся я на ту, где Триша Мак-Миллан никогда не улетаала в космос с Зафодом Библброксом. Ах, сколько разных вероятностей было у моей родной планеты... Сколько разного я мог бы повидать на другой Земле, чуть дальше по вероятностной оси... Я мог бы, например, приготовить себе чашку славного чая.

– И пусть, – произнес он мечтательно. – Не все сбылось. / О чем мечтал. / О чем я бредил.¹

Фрэнки Мартин-мл. Мартин? А, без разницы, главное – певец классный...

Зеленые лучи подбирались все ближе. Артуру обожгло их жаром щеку.

Того и гляди, облезу, подумал он.

– Эй, смотри-ка, – радостно воскликнул Форд. – Мои синие замшевые туфли. Вот круто!

¹ Перевод А. Маракулина. – Примеч. пер.

3

Тем временем у Триши Мак-Миллан, жительницы этой Земли, которая не провела Зарквон знает сколько лет в созданной H2G2-2 иллюзии, возникла идея.

– Я поговорю с ними, дорогая, – сказала она девочке, которая, возможно, являлась ее нерожденной дочерью из неизвестно какого измерения. – Грибулонцы меня послушают. Я для них что-то вроде иконы.

И с этими словами исчезла в коридоре, который и сам через пару секунд исчез, разнесенный в конфетти зеленым лучом.

Артур слишком отупел, чтобы ужасаться. Вместо этого он испытал нечто, похожее на зависть.

По крайней мере Триша умерла, имея перед собой цель. Она нашла ответ на свой вопрос, и это не какое-нибудь тухлое «сорок два». А я только и могу, что сидеть, не в силах ничего поделать.

Еще Артур испытывал сомнения, хорошо знакомые ему с тех пор, как он начал странствовать по Галактике. Втайне он часто подозревал, что сошел с ума. Что нет на свете ни «Золотого сердца», ни Зафода Библброкса, и уж наверняка нет никакой Глубокой Мысли. Что же касается строителей планет, магратов, то это совершенный вздор. Даже больший, чем говорящие мыши, которые и правят на деле планетой.

– Пардон, папаша, – произнесла крыса, нетерпеливо постучав по его ботинку.

– Извини, приятель, – пробормотал Артур, механически отодвинув ногу.

Все это безумие. Наверняка его сейчас обследует бригада стажеров, до сих пор не отошедших от тяжелого бодуна, по каковой причине все галлюцинации пациента Дента им глубоко до лампочки.

И если уж им до лампочки, с какой стати должен переживать из-за этого я?

За его спиной разлетелась и просвистела щепками над головой дверь мужского туалета. Секунду спустя штаны его начали пропитываться какой-то подозрительной жидкостью.

Форд усмехнулся.

– Воистину сказано: под лежащий камень...

– Думаешь, нам нужно бежать за крысами?

– Бежать? Куда? От всей планеты сейчас ничего не останется. Мы можем не торопиться. Тем более, эти ребята – не из наших, не из автостопщиков. – Форд расстегнул сумку, порылся в ней и достал нечто, похожее на самокрутку. – Йехххх, – счастливо вздохнул он. – Не зря приберегал.

Артур даже удивился и обрадовался тому, что его, оказывается, может еще что-то интересовать.

– Что это?

Форд покосился на него и нахмурился.

– Это что, тоже сарказм?

– Нет. Это искренний вопрос, проистекающий от моего невежества.

– Что ж, раз так, рад просветить тебя, дружище. Это сигарета.

– А... – Энтузиазм Артура как-то разом иссяк.

– Но не простая, – продолжал Форд, держа самокрутку так, как держат драгоценный хрустальный бокал или что-то в этом роде.

– У тебя там что, компактный генератор лучей смерти?

– Конечно, нет.

– Может, тогда телепортатор?

– Ну, эта штука нам не помешала бы. Но нет.

– То есть это просто мелко резанные сушеные листья табака, завернутые в бумагу?

– Табак? Бумага? Право же, Артур, вы, земляне, используете свои мозги всего на десять процентов возможностей, да и эту часть заполняете преимущественно тем, что так или иначе связано с чаепитием. Это фалианский болотный червь-альбинос. Явно зараженный. Всю свою жизнь он поглощает галлюциногенный газ. А потом умирает и высыхает.

Артур посмотрел наверх. Луч смерти, не замедлившись ни на мгновение, слизнул верхний этаж. В образовавшийся просвет Артур увидел беспорядочно кувыркающийся самолет – довольно большой, кстати. Ему показалось, что кто-то поет «Кумбайю».

– Ты не слишком ударился в подробности? Или это только мне кажется, что у нас остались считанные минуты? И счет выражается однозначным числом. Где-то между одним и тремя.

– Подожди, не перебивай. Автостопщики называют такие «палочкой радости». Одна затяжка – и ты ослепительно, до свинячьего визга счастлив. Ты любишь всех на свете, прощаешь всех врагов... в общем, все такое. Две – и тебе до безумия интересно все на свете, даже жуткая смерть, которая, возможно, надвигается на тебя. «Вот это будет круто, – говоришь ты себе. – Вот это, блин, апгрейд, переход на новый уровень существования. На что это будет похоже? Заведу ли я там новых друзей? Найдется ли там пиво?»

– А после третьей затяжки? – поинтересовался Артур, покорно исполняя роль слушателя.

Форд порылся в сумке в поисках зажигалки.

– После третьей затяжки мозг взрывается, так что ты чувствуешь себя немного хреновато.

– А... – сказал Артур, пытаясь представить себе, сколько автостопщиков укоротило свои дни, прежде чем узнало об этом фокусе с третьей затяжкой.

– А вот и мы, – хмыкнул Форд, доставая пластиковую зажигалку с надписью «КОРОЛЕВСКИЕ ВЛАДЕНИЯ» на баллончике. – Одну затяжку или две?

Артур никогда не принадлежал к заядлым курильщикам. В тех редких случаях, когда его уговаривали взять сигарету, он ощущал себя таким виноватым перед легкими, которые подарили ему родители, что от одного этого ему уже становилось дурно. Помнится, как-то на школьной вечеринке он пытался изображать из себя крутого и сунул в рот «Силк-Кат» – кончилось это тем, что он пытался не облевать хозяйскую чихуахуа, а в результате облевал саму хозяйку. Он до сих пор ежился при воспоминании о том вечере, а иногда даже начинал оглядываться по сторонам, не тычет ли в него пальцем кто-то из присутствовавших на той вечеринке.

– Мне не надо, спасибо. Плохо переносу.

– Что ж, дружище, как хочешь, – кивнул Форд, щелкая зажигалкой. – Ослепительное счастье, я иду!

– Давай уж сразу попрощаемся, что ли, Форд? Мне не жаль ни одной минуты.

– Правда?

– Нет. Не совсем. Есть несколько минут, без которых я бы вполне обошелся.

Например, минута, когда исчезла Фенчёрч.

Форд едва успел затянуться в первый раз, когда посередине вестибюля возник ниоткуда и плюхнулся на пол огромный, колышущийся как кусок желе кактус. Секунду-другую он колыбался просто так, потом превратился в огромный, налитый кровью глаз. Глаз закрутился, дико оглядываясь по сторонам, потом подпрыгнул и превратился в квартет головоногих моллюсков пом-пом, безукоризненно стройно игравших на тысяче казу.

– Прекрасно, – всхлипнул Форд, утирая скатившуюся из глаза слезу. – Я так... Слов нет.

Моллюски взяли пронзительно высокую ноту и исчезли в облачке радужных пузырьков, лопавшихся с мелодичным звоном, а на их месте возник белоснежный космический корабль, похожий на сияющую слезу с напоминающим стебли сельдерея оперением.

– «Золотое сердце»! – выдохнул Артур. – Вы, наверное, шутите.

Необходимое пояснение. Космический корабль «Золотое сердце» столь прекрасен, что одного взгляда на его рекламный буклет достаточно, чтобы подросток мужского пола разом повзрослел на пару десятилетий, оказавшись в самом разгаре кризиса среднего возраста. «Золотое сердце» приводится в движение как традиционными двигателями, так и революционным невероятностным приводом, что позволяет кораблю находиться одновременно в нескольких разных местах до тех пор, пока он не решит, где ему хочется находиться больше всего. Правда, побочными эффектами невероятностного поля «Золотого сердца» являются совпадения, дежа-вю и кипы давно выброшенной корреспонденции.

Форд загасил палочку радости о подошву, сунул бычок обратно в сумку и легко вскочил на ноги.

– Идем, Артур. И не строй из себя такого удивленного. Землю уничтожают, а нас спасает Зафод. Так случается всегда – ну, с разницей в деталях и в несколько световых лет. Ну и путешествие!

– А при чем здесь палочка радости?

– Всего одна затяжка, старина. Я ослепительно, до свинячьего визга счастлив. Мне показалось, перед новой встречей с Зафодом это не помешает.

Артур, пошатываясь, спустился по ступенькам.

– А как же Триша? Разве она с нами не полетит?

– Эй, Триллиан – это тот же самый человек. Судьба может позаботиться только об одной. Порадуйся за Тришу – она уже на новом уровне. Чистая энергия. Посмотри, какие краски!

Артур нахмурился.

– Зеленые? Смертоносные? Да, вижу. Хотя предпочел бы наблюдать их издалека. Может, уберемся отсюда?

– Совершенно согласен, Артур. Если мы не уберемся, это может повредить мои крутые туфли. Хотя если они из синих сделаются лиловыми... Пожалуй, я не против.

Артур мягко подтолкнул Рэндом к сияющему белому кораблю.

– Идем. Нам пора улетать.

– Фертль, – всхлипнула девочка. – Хочу моего Ферти!

– «Хочу Ферти»! – передразнил ее Форд, игриво ущипнув Триллиан. – Мило, не правда ли?

Белый корабль покачнулся, и на землю плавно опустился откинувшийся трап. В проеме люка показался Зафод Библброкс, президент Галактики, объявленный в межпланетный розыск непревзойденный специалист по саморекламе. В ясных глазах его светилось Эго планетарного масштаба; золотые кудри разметались по плечам. Немного неряшливо... Впрочем, ему шло.

– О'кей, давайте-ка начистоту, – объявил Зафод, похлопав себя по лбу. – Привет, земляне. Я снова прилетел к вам на помощь. – Тут, похоже, он заметил разворачивавшееся перед ним уничтожение планеты. – Постойте-ка минуту. Это ведь вам не Ирландия!

Форд взбежал по трапу и обнял своего дальнего родственника.

– Зафод! Как я рад видеть тебя!

Зафод зажмурился.

– Рад меня видеть? Ты что, накурился?

Они набились в рубку «Золотого сердца» и взмыли на пару сотен футов – зигзагом, уворачиваясь от лучей смерти с помощью программы «Автоуклонист», в ожидании момента, когда Зафод врубит невероятностную тягу, и та разом перекинет их туда, где они никак не ожидали очутиться.

Форду Префекту единственному из находившихся на борту пришла мысль посмотреть вниз. Он увидел H2G2-2, со слегка потерянным видом парившую рядом с последней оставшейся в «Бета-клубе» люстрой. Она небрежно уклонилась от шипящего луча смерти и тут же,

передернув крыльями с видом «а пошло оно все...», сложилась на манер бумажной птички-оригами в невидимых руках, становясь все меньше до тех пор, пока от нее не остался крошечный бриллиант черноты, который взмыл вверх, оторвав по дороге из чистой вредности голову незадачливой крысы, вылетел в зияющий проем и, мигнув, исчез из всех реальностей во всех временах.

Скатертью дорожка, подумал Форд и отправился на поиски бухла.

Если бы Форд не отправился на поиски бухла, он, возможно, увидел бы высокого мужчину лет тридцати пяти в халате и шлепанцах, входившего в «Бета-клуб» с полотенцем в руках. Едва мужчина успел задрать голову вверх и изобразить на лице полнейшее потрясение, как изумрудный луч смерти разнес его и его рыжеволосого спутника на элементарные частицы.

Необходимое пояснение. Это была одна из многих смертей Артура Дента, имевших место после того, как одному из Артуров удалось разрушить пространственно-временную матрицу и спастись. Для всех остальных матрица схлопнулась, и все они один за другим погибли от самых невероятных причин, наспех состряпанных взбешенной Судьбой.

Одного Артура убили электротоком неисправные наушники, когда он вел на местной студии передачу, посвященную слухам о повышенной активности НЛО (этакий черный космический юмор).

Второй Артур проснулся как-то утром с твердым убеждением, будто он может летать, и в мире не нашлось никого, кто смог бы переубедить его и отговорить забраться на радиовышку и сигануть вниз.

Третьего задавил буйволодозер, когда он пытался спасти свой дом от разрушения. Сам буйволодозер при этом не пострадал физически, но психическая травма оказалась столь сильна, что он подал в суд на местное руководство, особо выделив в качестве виновного м-ра Проссера. Проссеру впоследствии отрубили голову.

Тем временем еще один Артур утонул в грозу вскоре после того, как показал фак водителю грузовика, подрезавшего его на шоссе.

Список можно продолжать почти до бесконечности. Перечислить все невозможно, даже если рассортировать причины смертей по группам, как то: случайные и нечаянные, намеренные и умеренные, похмельные и огнестрельные, ментальные и анальные, уринальные и маргинальные, фекальные и декальные (замотался насмерть цветной пленкой-самоклейкой) – суть не в этом, а в том, что под занавес, после окончательного и бесповоротного уничтожения Земли во всех пространственных и временных измерениях в живых остался только один Артур Дент. Собственно, то же самое можно сказать и о Форде Префекте с Триллиан, но не о Рэндом или Зафодде, которые цеплялись за свои многомерные роли с упорством, достойным высшей награды.

Список литературы:

Вот кто-то с космоса спустился – наверно, смерть моя идет, А. Дент, 2803.

Чьому я як сокіл, чьому я летаю, А. Дент, 1107.

Последний оставшийся Артур Дент сидел на своем обычном месте на полу ходовой рубки «Золотого сердца», прислонившись затылком к знакомой полке, но покоя почему-то не испытывал. Возможно, виной тому были продолжавшие вспыхивать на экранах обзора зеленые лучи, а может, в самой-самой разглубокой глубине души, которая помнила еще ту звездную пыль, из которой соткались атомы его тела, Артур знал, что он остался последним Артуром Дентом во всей Вселенной. Один-одинешенек среди всеобщей множественности.

Все, что он мог бы озвучить вслух, сводилось, однако, к тому, что ему не хватает полотенца и что он не пожалел бы круглой суммы на то, чтобы кто-нибудь с мягкими выпуклостями обнял его и шепнул на ухо, что все будет хорошо.

Триллиан и Рэндом после уничтожения планеты тоже пребывали в подавленном настроении и сидели, крепко обнявшись, у холодильника. Зато Форд Префект оставался по обыкно-

вению жизнерадостным – скорее всего благодаря единственному пыху своего набитого сушеным червяком чинарика.

– Надо же, *круто* как! – восхищался он, хлопая Зафода по плечу. – Ты только посмотри на эти лучи смерти! Да ты хотя бы мог себе представить, что увидишь грибулонскую клетку смертников изнутри?

– Грибулонцы, они такие. Крутые ребята, – отвечал его кузен с не меньшим энтузиазмом (Зафод почти всегда пребывал в состоянии пыхнувшего один раз). – Лазерное шоу отдыхает. А помнишь ту термоядерную атаку на Магратею?

– Еще бы! – гордо отозвался Форд. – Это было что-то. Как мы петляли, как уворачивались – но ведь стряхнули их с хвоста!

– Не то слово, стряхнули, братан. И этих грёба... грибо... булонцев тоже стряхнем!

Зеленый луч опалил кормовой плавник корабля, и Триллиан поморщилась.

– Мы не можем просто убраться отсюда поскорее?

Зафод исполнил пируэт, которому позавидовал бы танцор диско, сложил два пальца пистолетиком и нацелил их в Триллиан.

– Бах, бах, милашка. Как, соскучилась по мне? Бьюсь об заклад, да... и я тоже.

– Давай потом, Зафод. Может этот корабль перенести нас в безопасное место?

– Не так просто. Мы не можем ломануться через всю эту мясорубку по прямой – они нашинкуют нас, как фрукты на десерт галитоксиканцу. Придется довериться невероятностному приводу – пусть посчитает немного, и вообще пусть сам ломает голову над этой проблемой.

– Ты хочешь сказать, тут головой всему компьютер?

Зафод исполнил бетельгейзианскую джигу... Ну, по крайней мере вступительную ее часть.

– Ну наконец-то! Хоть кто-то думает *головой*. А то мне, ребята, начинало казаться, что вы все накурились.

– Извини, Зафод, – огрызнулся Артур. – Мы тут типа слегка рассеяны, едва избежав мучительной смерти.

– Ну да, *голова* теперь у компьютера, – продолжал Зафод, игнорируя предложенную Артуром другую тему для разговора. – Ну же, ребята. Вы никаких изменений во мне не замечаете?

Тут до всех разом и дошло.

– Срань господня! – произнес Форд.

– Какого... – произнесла Триллиан.

– Таки-шо за фигня, – произнес Артур – немного в стиле крыс-кокни.

На плечах Зафода Библброкса бесстыже красовалась одна-единственная голова.

Необходимое пояснение. Две головы и три руки Зафода Библброкса давно уже вызывают зависть и научный интерес всей галактики – так же, как черепная затычка траальского жукозавра или третья грудь Эксцентрики Галлумбиц. И хотя Зафод утверждает, что третью руку он себе приделал, чтобы повысить конкурентоспособность в лыжном боксе, злые языки прессы говорят, что на самом деле он сделал это, чтобы иметь возможность разом держаться за все млечные железы Эксцентрики. Возможно, подобное внимание к мельчайшим эротическим деталям послужило причиной того, что мисс Галлумбиц в своем интервью «Уличному трепу Уикли» охарактеризовала Зафода как «величайший секс-взрыв во Вселенной после Большого», что добавило тому по меньшей мере полмиллиарда голосов на президентских выборах и вдвое больше ежедневных посещений платного сайта Зафода в суб-эти-сети.

Происхождение второй головы Зафода окутано тайной и является, похоже, единственным предметом, от обсуждения которого с прессой президент уклоняется – если не считать,

конечно, заявления насчет того, что две головы лучше, чем ни одной, какое заявление было воспринято как неприкрытое оскорбление Спиналем Мозжко, канцлером племени Всадников без головы с Беты Джаглана. На что Зафод ответил: «Ну конечно, оскорбление, детка. Членам не нужна голова, только головка. И что?» Уже на ранних фотографиях Зафода голов две, однако на многих снимках отчетливо видно, что они не идентичны. Более того, на одном из кадров видеоролика, получившего широкую известность как «Глупость – не порок!», левая голова Зафода, несомненно, смуглая, женская и притворяется, будто кусает за ухо правую.

Вскоре всплыла на поверхность и женищина с Бетельгейзе, претендовавшая на изначальное обладание «смуглой женской» головой. Лулу Мягие-Ручки заявила в интервью Библ-блогу, что «Зафод хотел, чтобы мы остались вдвоем типа навсегда, вот мы так и соединились. Но не прошло и двух месяцев, как он понял, что ему просто нравится разгуливать с двумя головами, а я здесь вроде как и ни при чем. В общем, как-то вечером мы пропустили пару „Грызлодеров“, а проснулась я уже обратно в своем теле. Вот ублюдок!»

Зафод не опровергал заявлений мисс Мягие-Ручки, а это, в свою очередь, дало почву многочисленным перетолкам и обвинениям его в нарциссизме, на что он неизменно отвечал, что вообще не понимает смысла этого слова.

Список литературы:

Щека к щеке с м-ром президентом, Л. Мягие-Ручки

Всего на сиську больше, Э. Галлумбиц

Форд обнял кузена.

– Ну наконец-то ты ее снял с плеч, – заявил он, не прекращая при этом пожевывать губу, а ведь совмещать эти два занятия не так просто. – Сносить голову с плеч, конечно, выглядит форменным безумием, но по какой-то непонятной мне причине я целиком и полностью одобряю твой поступок.

Артур знал причину. Его приятель до сих пор находился под червяком.

– Ты уверен, что это хорошая мысль, Зафод? И что ты *ты* голову снес?

Зафод поднял в воздух палец, как делает человек, собирающийся сделать важное заявление.

– Заткни хлебало, обезьяна! Я разговариваю с родственником!

– Я думал, мы могли бы обойтись без этого, Зафод. Разве мы мало пережили вместе?

Зафод чуть попятился.

– А... Привет, Артур. Неужели это ты, дружище? У той, другой головы зрение острее было. Плюс я тебя не узнал без этой штуки для купания.

– Халата.

– Да как бы он ни назывался. Важно только вон то – лучи смерти и все такое.

– Ты считаешь, нам не *важно* знать, где твоя вторая голова? – выкрикнул Артур, стараясь изъясняться как можно доступнее.

Зафод хлопнул в ладоши.

– О да! Слушаюсь, сэр. Ручаюсь, это понравится вам всем!

Он бочком подскочил к невысокому, полукруглому в плане пульта управления.

– Леди и джентльмены, вот он! Отнеситесь к нему со вниманием, ибо *ваши* жизни зависят от *его* внимания!

– Клянусь лучами смерти! – взвыл Артур, когда «Автоклонист» резко дернул корабль вбок. – Можем мы разобраться с этим побыстрее?

Форд фамильярно потрепал его по щеке.

– Весь смысл жизни, друг мой Артур, в мгновениях, – с серьезным видом произнес он. – Вот где собака зарыта. И мгновения дольше, чем тебе кажется. Сложи все хорошие мгновения – и, сам увидишь, в сумме выйдут столетия.

Артура особенно взбесило то, что в этом словоблудии, возможно, имелась доля правды.

– Отлично, Форд. Ты считаешь, вторую голову Зафода стоит показывать дамам?

– Не держи нас за маленьких, – обиделась Рэндом.

– Ни в коем случае, милая.

– А пошел ты.

Зафод потопал подкованным каблуком.

– Прошу минутку внимания. Вы еще не забыли про голову? – Он набрал на панели короткий код – три цифры подряд.

– Раз-два-три, – нахмурился Артур. – Не слишком сложный код, ты не боишься?

В ответ Зафод нахмурился.

– Зрение и счет... С мелочами у меня та-а-ак себе. Зато я непревзойден по части штурма унд дранга, а также неутомимости поиска... особенно в будuarных делах. О житейских мелочах у меня заботится голова номер два. Или, как я ее называю, Левый Мозг – в конце концов, она у меня располагалась слева, и мозгов в ней было больше.

– Покажи голову! – заорал Артур.

Зафод ткнул пальцем в большую красную кнопку, и из емкости с амортизационным гелем на пульте вынырнул и завис на уровне глаз хрустальный шар.

– В этом геле, видите ли, много всякого напихано, – небрежно пояснил Зафод. – Ну, такого, что может пригодиться для всяких штук.

– Прошу тебя, братец, заткнись, – произнесла вторая голова Зафода, покоившаяся на подушке из проводов и трубок внутри шара. – Твои объяснения не сильно тебя украшают. И меня тоже.

Левый Мозг почти ничем не отличался от Зафода – ну, разве что макияжем и стрижкой. При том, что президент Галактики всячески себя прихорашивал – возможно, даже глаза подводил, – Левый Мозг был подстрижен довольно коротко, на прямой пробор, и глаза его светились острыми как лазерный луч умом и устремленностью.

– Гель состоит из электролита, питающего мои органические клетки и поддерживающего антигравитационное поле шара.

– И громкоговорители! – добавил Зафод. – Надо же тебе, Эл-Эм, издавать какие-то звуки, правда?

– Да, Зэ-Бэ, – вздохнул Левый Мозг. – И громкоговорители. Теперь-то ты можешь общаться с кем-то как с зеркалом. Доволен?

Зафод тяжело облокотился на пульт.

– Бывает, мне кажется, что, отделив голову, я совершил ошибку. Но с тех пор, как кораблем заведует Левый Мозг, мы еще ни разу не взорвались. Ни одного, заарктуру твою медь, раза. А ведь это кое-что, правда?

– Теперь, когда корабль ведет не мой предшественник-недоумок, вероятность нашего выживания увеличилась на восемьсот процентов.

Рэндом с ее политическим опытом одобрительно кивнула: подходящая статистика.

Артур похлопал по шару.

– Привет, Зафод... Левый Мозг. Так это ты ведешь корабль? Можешь вытащить нас отсюда?

– Прошу тебя, не лапай стекло. Ты даже не представляешь, сколько мне придется крутиться в этом чертовом геле, чтобы стереть пятна.

– Извини.

– Возвращаясь к твоему вопросу: в настоящий момент я взаимодействую с программой «Автоуклониста» с целью избежать попадания под грибулонский луч смерти. Пока мы тут разговариваем, интенсивность лучей возрастает, так что чем скорее мы включим невероятностную тягу, тем лучше.

– И как скоро это можно будет сделать?

– Через девяносто секунд. За несколько минут до того, как лучи смерти с высокой степенью вероятности уничтожат корабль.

– Ты в этом уверен?

Вопрос этот Левому Мозгу не понравился.

– Ты здесь новичок, и мы только-только познакомились, так что придется мне объяснить. Я – это корабль, а корабль – это я. Никакого обмана.

– Новичок? Мне приходилось бывать здесь прежде. И мы знакомы, только в прошлый раз...

– Я был еще прицеплен к этому идиоту Зафоду...

– Уау! – в восторге взревел Зафод. – Вот он тебя и уел, Арти. Этому парню палец в рот не клади!

– ...потакающему низменным сторонам своей души, – продолжал, не обращая на него внимания, Левый Мозг. – Полностью подчиненному своим неодолимым гедонистическим наклонностям.

– Я тебя предупреждал, землянин. И не говори, что не предупреждал. Левый Мозг с тебя с живого семь шкур спустит и голым на Сириус отправит!

Левый Мозг повернулся и уставил взгляд в Зафода.

– Эта бесхребетная обезьяна держала меня взаперти в моей же собственной голове до тех пор, пока я не внедрил в его пропитанное алкоголем сознание идею разделения. Этот простофиля Зафод до сих пор искренне верит в то, что идея принадлежит ему.

Взгляд Зафода затуманился.

– Простофиля? Ну ты даешь!

Нельзя сказать, чтобы Артура не беспокоили откровенная неприязнь бывшей левой головы к правой, или признаки раздвоения личности, или как там это правильно называется у врачей, однако он счел за благо оставить свои сомнения при себе – ради спокойствия Рэндом. В конце концов, они спасены. Рэндом ничего не угрожает, а все остальное не так уж и важно. По опыту Артур знал, что утрата родной планеты сокрушит его дух в самом ближайшем будущем – возможно, уже ко времени, когда пора будет пить чай, а чаю здесь не окажется, ну, или когда голографический закат окажется слишком красивым – но пока он исполнился решимости держаться молодцом. Ради дочери.

– О'кей, все, – произнес он голосом, ярким и гулким как электролампочка. – Аварийная ситуация на текущий момент отменяется. Почему бы нам не пристегнуться к невероятностному прыжку? – Он усмехнулся. – Мы ведь все знаем, какими причудливыми они бывают.

Рэндом коснулась рукой места на груди, где сидел Фертль.

– Причудливыми, Артур? *Причудливыми?* Ты никого не обманешь. Такой натянутой усмешки я в жизни не видела. Тебе никогда не бывать даже вполнину таким мужчиной, каким был мой муж.

Ну вот, опять я во всем виноват, подумал Артур. *Может, если бы я чаще изображал оптимизм, кто-нибудь да поверил бы рано или поздно.*

– Может ли кто-нибудь мне ответить, этот компьютер умеет заваривать чай?

На макушке у Левого Мозга загорелся тревожный красный огонек.

– Замолчи, землянин. Слово «чай» запрещено. Стоило тебе произнести слово «чай», и это поставило под угрозу работу всей системы.

Артур натянуто усмехнулся и, шаркая ногами, поплелся на обзорную галерею.

– Пойду посмотрю на эти их лучи смерти. Кому-нибудь что-нибудь принести?

Никто не обратил ни эти слова никакого внимания.

Необходимое пояснение. Слова «Кому-нибудь что-нибудь принести?» являются стандартным-поводом-быстро-выйти-из-помещения и могут использоваться в любых неловких ситуациях – от легкого раздражения и до надвигающейся катастрофы. В той или иной форме

аналоги этой фразы имеются у большинства цивилизаций и воспринимаются как чисто риторические, не требующие ответа. Бетельгейзианцы, например, спрашивают: «Никто не слышал шлепка? Как если бы теннисный мяч плюхнулся в тарелку заварного крема? Так никто? Пойду проверю...» На Ятраварте же говорят: «Кто-нибудь слышал звонок в дверь? Готов поспорить, это Пул. Как всегда, опаздывает. Пойду открою, пока он там соплями не истек».

К облегчению Артура, никто не стал нарушать общегалактического протокола, попросив у него что-либо, так что ему без проблем удалось улизнуть на обзорную галерею и притвориться, будто он вернулся на свой пляж.

Форд постучал пальцем по пульта и с наслаждением послушал «дзынь».

– Давненько я не слышал этого звона, Заф. Ну, ты понимаешь. Звуки, штуки... Ты их забываешь нафиг, а потом видишь или слышишь, и только тогда понимаешь, как много они для тебя значили. Странно, блин – и куда деваются эти воспоминания, когда ты о них не думаешь?

Зафод не долго мучился над ответом.

– Я всегда считал, что мои воспоминания находятся по ту сторону коридора, в голове номер два. А когда они мне нужны, голова номер два всегда мне их перебросит.

– Ух ты. Вот это типа да! Примерно то, что я хотел сказать. Кстати, ребята, друг другу типа в глаза смотрите при этом?

– Абсолютно нет, – возмутился Левый Мозг, подпрыгивая с такой энергией, что его не могло удерживать гироскопическое поле. – Он несет полный вздор. У нас одинаковая кора мозга.

Форд заплясал вокруг шара, приблизив к нему растопыренные пятерни на манер заклинателя.

– Конечно, но мозг-то у тебя. Разве не ты, умник, подцеплен к невероятностному движку? Левый Мозг не удержался от самодовольной ухмылки.

– Это так. Двигателем управляю я. Он теперь – часть меня. Я любой его чих чувствую. Взгляд у Форда слегка остекленел, хотя окончательно осмысленности не терял.

– Тогда объясни мне, дружок, почему я тебя и ожидал?

Левый Мозг так и застыл.

– Чего?

– Ага! Так и есть, умник бесштаный! Я знал, что вы, ребята, появитесь.

– Но это вздор! Как ты мог знать? Шанс того, что единственная во Вселенной личность, способная вас спасти, появится именно тогда, когда вам это нужно, равен одному к ста пятидесяти миллиардам. Впрочем, для невероятностного привода это расклад приемлемый.

Форд только ухмыльнулся.

– Зависит от того, как считать, приятель.

– Существует только одна методика подсчета, – упрямо настаивал Левый Мозг.

– Ох, да нет же, – заявил Форд тоном человека, слишком долго прожившего в дешевых гостиницах без денег на телевизор, по причине чего вынужден читать собственный путеводитель. – Считать можно много как. Вон, у Вл'ургов вся математика построена на потрохах.

Необходимое примечание. Это не совсем так. В подсчетах участвует также высушенный пенис велосов.

– Лично я, – продолжал Форд тоном, столь покровительственным, что одноклеточные формы жизни, должно быть, при звуках его ускорили эволюцию, дабы побыстрее отрастить руки с пальцами, способные взять по камню и забить его к чертям собачьим. – Лично я строю все расчеты на эмоциях.

– Эмоциях? – поперхнулся Левый Мозг, едва не выпрыгнув из своего шара. – Эмоциях!!! Как ты только позволяешь себе оставаться таким тупым – с одной-то головой?

– А мне нравится быть тупым. Все видится яснее. Быть тупым – это как щуриться на солнце.

Заявления Форда встряхивали шар с Левым Мозгом, как шлепок мокрым полотенцем.

– Солнце? Что ты такое мелешь? Тупость – это тьма и невежество!

– Значит, вы все-таки *собирались* лететь сюда? В точку с заранее намеченными координатами?

– Нет, – признался Левый Мозг. – Намеченная точка была уже уничтожена, так что невероятностный привод перемешал нас в безопасное место.

– И из всех точек Вселенной переместил именно *сюда*.

– Чистая случайность. Побочный эффект невероятностной тяги.

– Какая уж там случайность. Зафод пришел на помощь любимому кузену. Разве такое невероятно? Такое уже случилось раз – у этой самой планеты. Еще раз – и выйдет закономерность. А в последний раз, когда я проверял значение этого понятия, закономерности не считались особенно уж невероятной вещью.

Еще одно необходимое пояснение. А вот это уже откровенное вранье, поскольку Форд Префект никогда и в голову не брал проверять вероятность закономерностей. Форд вообще редко проверял что-либо за исключением степени наполненности своего стакана и общего уровня крутизны бытия. Он даже угрожал как-то раз все свое месячное жалованье на счетчик крутизны, однако тот питался исключительно крутым настроением обладателя, поэтому работал с перебоями. Форд испытал его раз в сортире, после чего сунул в уплотнитель мусора вместе со счетом на оплату.

Левый Мозг продолжал подпрыгивать и раскачиваться.

– Да, правда. Закономерности плохо сочетаются с невероятностью.

– Как правило?

– Как правило.

– Знаешь, «правило» тоже неважно сочетается с невероятностью. То есть вообще не сочетается. Трам-тарарам-там-там как не сочетается. Даже меньше, чем деньги.

– Д-да, – пробормотал Левый Мозг. – В л-логике не откажешь.

– Мне кажется, или ты вспотел, приятель? Что, у роботов теперь и головы потеть научились?

Левый Мозг и впрямь обильно потел. Откуда-то из похожего на воротник основания шара выползли мелкие букашки и с жадностью набросились на капельки пота.

– Я не робот! – возмутился Левый Мозг.

– Эй, разве не ты болтаешься в стекляшке, подцепленный к компьютеру? А из шеи ползут букашки. Когда я проверял такое в последний раз, это определенно называлось роботом.

Необходимое пояснение. Опять-таки, ничегошеньки он не проверял. Сплошная лапша на уши.

– Хотя, – задумчиво продолжал Форд, почесывая воздух перед подбородком. – То, как облажался невероятностный движок, сильно смахивает на огрехи *органики*.

– Облажался? – беспокойно переспросил Левый Мозг. – Ты правда так считаешь?

– Стопудово. Но давай вернемся к этому позже, пусть одного из нас это и огорчит. А пока – как насчет расфурычить этот твой движок и отправить нас в какое-нибудь *действительно* невероятное место?

Шар Левого Мозга замерцал болезненным зеленым светом, и по стеклу замельтешили, сменяя друг друга, ряды цифр.

– Невероятно? Но как это рассчитать? Как... Все, во что я верил... Значит, цифрам доверять нельзя? Возможно ли такое? Возможно?

Форд даже начал немного трезветь.

– Эй, дружище. Забудь. Я тебя всего лишь за отросток подергал. Ну скажи ему, Зафод?

Зафод закинул лапищу на плечо кузену.

– Так оно и есть, приятель. Тебя побил лучший из лучших. Вот этот вот Форд как-то раз настолько довел верховного священника на Вундоне, что тот набросился на него со своими ароматическими палочками.

– Это было *пари*, – пояснил Форд, которому не хотелось, чтобы его считали способным доводить благовонных священников за просто так.

Левый Мозг пребывал в растрепанных чувствах.

– Компьютер сообщает мне цифры, но *вы*... Вы, двое Зарквон-знает-какие *липовые* головы с Зарквон-знает-какими *липовыми* мозгами!

– Эй, поменьше липы, – обиделся Форд. – Я просто хотел пообщаться. Ну типа произвести на тебя впечатление интеллектом...

– Это же... Всего... Слишком... Цифры... Эмоции... Зарк!

Тут Левый Мозг заело. На одном-единственном слове.

– Зарк!.. Зарк!.. Зарк!..

Зафод выпростал из-под кружевной рубахи третью руку и отвесил Форду подзатыльник.

– Идиот! Ты же его подвесил!

– Ты тоже принимал участие.

Третья рука Зафода скользнула в левый карман просторных аэрозольных штанов.

Необходимое пояснение. Это не опечатка. Зафод действительно приобрел в Порт-Сизифроне баллон аэрозольных штанов, купившись на обещанный рекламой «легкий доступ к жизненно необходимым местам». После первого пробного напыления Зафод немного уменьшил интенсивность струи. Для карманов прилагалось отдельное сопло.

– Третьей рукой я по большей части пользуюсь для всяких там церемониальных штук, – призвался он. – Натяни на нее алый рукав – и хрен отличишь от кушака.

Форд разочарованно надул губы.

– Что-то очень уж он у тебя легко зависает. Надо было дожждаться выхода версии 2.0.

Триллиан опустилась в роскошное амортизационное кресло рядом с Рэндом и пристегнула ремни. Рэндом суксилась настолько, что ее плохого настроения хватило бы на пропитание целой семьи цифролей на протяжении пятисот лет.

– Почему мы еще здесь, Зафод? Я по-прежнему вижу зеленые лучи.

Зафод сделал выразительный жест пальцем.

– Спроси Форда Недо-Перфекта. Это он подвесил бортовой компьютер.

Именно этот момент выбрал Артур, чтобы вернуться на мостик.

– Подвесил компьютер? Мне послышалось, или ты в самом деле сказал: «Подвесил компьютер»?

Старые приятные воспоминания Артура таяли, как лед под палящим солнцем, сменяясь совершенно другими ощущениями.

Мне недостает умения удивляться, сообразил он. *Как-то я сразу перехожу от спокойного состояния к полнейшему ужасу.*

– Что с тобой, Форд? – поинтересовался он. – У тебя что, настройка такая – портить абсолютно все?

– Это у него настройки, не у меня, – возразил Форд, ткнув пальцем в сторону Левого Мозга. Тот стукался о потолок, как вырвавшийся из рук воздушный шарик.

Тут Артур заметил, что на мостике чего-то не хватает.

– Не знаю, что это, – произнес он, осторожно ощупывая воздух вокруг себя. – Но секунду назад здесь что-то было, а сейчас его нет.

Зафод обрадовался: хоть кто-то задал дельный вопрос.

– Позволь просветить тебя, землянин. При включенном «Автоуклонисте» компьютер окрашивает стены специфическим образом. Типа фототерапия, успокаивает нервы.

– А сейчас подсветка выключена.

– Бадабинго!

Необходимое пояснение. «Бадабинго» – настольная игра зеков, отбывающих пожизненный срок в орбитальной тюрьме у Каппы Благулона. В ней может участвовать до сотни игроков, и смысл ее заключается в том, чтобы провести своих лошадок по всей доске, вернуть их в стойла и, дождавшись шестерки, оторвать им головы. Как только головы лишается последняя лошадка, ее обладатель вскакивает на ноги и кричит: «Бадабинго!» После этого все, что от него требуется – это остаться живым до прибытия штурмовой группы тюремщиков.

– Из чего следует, что «Автоуклонист» тоже отключен?

– Зеленая палка в зеленой дырке, парень!

Еще одно необходимое пояснение. Возглас «Зеленая палка в зеленой дырке» связан с несложной спортивной игрой, распространенной в отдельных старших классах на Бетельгейзе-5, где вырос президент Библброкс. На Стритераксе сказали бы: «Вы слишком гордитесь тем, кто выполнил задачу, хотя ее можно было выполнить быстрее и проще». Бронеборцы, в свою очередь, воздержались бы от идиом, поскольку они вообще предпочитают словам действие. Действие же, как правило, у них связано с заостренными наконечниками из закаленной стали, для верности смазанными ядом.

– А это означает, что мы можем быть нашинкованы этими чертовыми лучами, как и вся планета?

Зафод фыркнул, словно подобного вздора ему слышать еще не приходилось.

– Землю вовсе не шинкуют, Артур. Эти зеленые лучи просто испаряют все, чего касаются. Вот планету и испарят. Совсем немножко осталось.

– Это утешает. А с нами что?

– Ах, да. Грибулонцы наверняка обнаружили уже нас. Значит, нас тоже нашин... испарят. В этом нет никаких сомнений. Зеленая палка... ну, и так далее. А я только с этой прической свылся.

Артур прижался носом к иллюминатору. Там, снаружи, бесшумно двигались, испепеляя лежавшую под ними планету, зеленые лучи. Некоторые проходили довольно близко, и Артур видел полыхавшие в их толще ослепительные разряды.

Один особенно жирный, противный луч неумолимо надвигался прямо на них.

Моя дочь погибнет, сообразил он. И это меня здорово огорчает. Готов поспорить, сегодня четверг.

Он отодвинулся от стекла.

– Но ведь наверняка мы можем сделать что-нибудь? Нас же еще не одолели, правда?

Форд помахал перед носом у Зафода своим чинариком.

– Как думаешь, если я пыхну сейчас, это будет считаться второй затяжкой, или еще одной первой?

– Мы можем перезагрузить Левый Мозг?

Зафод нахмурился.

– Ну ты и загнул, кузен. Может, если пыхну я, ответ и придет.

Артур с удивлением обнаружил, что не утратил еще способности удивляться.

– Вам что, все равно, погибнем мы все сейчас или нет? Как вообще можно быть такими пофигистами?

Форд весело подмигнул ему.

– В такой ситуации, как эта, Артур, много ли смысла в том, переживаешь ты или нет, верно?

– Не знаю, Форд. Правда, не знаю. Но у меня здесь дочь, вон в том кресле. Вот это я знаю. В люк постучали.

– Ну что, получил, землянин? – веселился Зафод.

Артуру хватило щедрости порадовать президента с Бетельгейзе своей замедленной реакцией.

– Сам получи. Это все твой... э!

– Ну и чудик ты, дружище! – завопил Форд, хлопая его по плечу. – Видишь, кузен – я же говорил! Сто лет уже говорил! Где Артур, там беспорядки.

– Вы это слышали? – спросил Артур шепотом, опасаясь надеяться слишком громко. – Там может быть кто-нибудь, за люком?

Стук повторился – громкое, гулкое «Бумм», такое громкое, словно Артур стоял на колокольне.

– Насчет «бум» не переживай, – сообщил Зафод. – Это запись. Я могу поменять ее на «дзынь», если хочешь. Или на мое любимое «кукареку».

В иллюминатор лился зеленый свет. Стекло начало прогибаться.

– Открой дверь! – заорал Артур, для убедительности размахивая руками. – Открывай, живо!

– Не могу, – признался Зафод. – Маленький Икс сломал корабль – ты что, забыл?

Триллиан провела рукой по волосам Рэндом и направилась к аварийному люку.

– Невероятность? Хотите невероятности? Вы, два идиота, до сих пор живы – *это* ли не невероятность?

Она сунула руку под пульт и вытащила из-под него металлическую загогулину.

– Рычаг аварийного ручного питания. Забыл?

– Эй, лапуля, это не мой корабль. Я только угнал его.

Артур схватился за рычаг и принялся крутить его, разом вспотев. Это (потение, не вращение) заняло не так много времени, как можно подумать, поскольку жар грибулонских лучей превращал дрейфующее в невесомости «Золотое сердце» в подобие скороварки.

– Ну же, Артур, – подгоняла Триллиан. – Давай!

Артур открыл было рот, чтобы сказать, что он и так крутит что есть сил и что не будет ли она так добра дать ему передохнуть, поскольку последний век или около того он провел на пляже, не напрягаясь физически, и вообще кой черт она ухитрилась забросить дочь-подростка на Лемюэлли, когда сама поперлась освещать ход войны, которая так и не разразилась? Артур совсем уже приготовился высказать все это, но тут подумал, что, может, вместо этого лучше покрутит чуть сильнее.

Странное дело, но даже от мысли этой ему стало чуть легче.

Повертев рукояткой, Артур зарядил маленькую плазменную батарею, та послала импульс люку, и этого хватило, чтобы возбудить несколько молекул, отвечающих за переход внутренней мембраны шлюзовой камеры в газообразное состояние.

– Это не то, чего я ожидал, совсем не то, – выдохнул вспотевший Артур.

В проеме стоял, разминая пальцы, рослый зеленый гуманоид. Нельзя не признать, он произвел бы впечатление на всякого, кого впечатляют развитая мускулатура, высокий лоб, темные глаза и костюм, так туго обтягивающий тело, что при одном виде этого у некоторых началась бы мигрень.

– Рыбка-вавилонка? – произнес пришелец вежливым, хотя и слегка покровительственным тоном. – Пожалуйста, говорите со мной при помощи рыбки-вавилонки.

Зафод сделал широкий жест рукой.

– У нас здесь сплошная рыбка-вавилонка.

– О, благодарение Зарквону, – кивнул пришелец и шагнул в рубку. – Признаюсь, если бы мне еще раз пришлось оказаться в помещении, полном хмыканья и пустых взглядов... Что вообще происходит с людьми? Кто им мешает прикупить дюжину рыбок, и пусть себе размножаются...

– Люди дешевы, – согласился Зафод.

Пришелец застыл как вкопанный.

– Нет. Быть такого не может.

Зафод тряхнул шевелюрой.

– Еще как может, парень.

– Зафод Библброкс? Президент Галактики Библброкс?

– Собственной персоной! Жив, здоров, чего и вам желаю, сэр.

– Глазам своим не верю. Это будет яркая страница моего послужного списка. Стоило мотаться по глухим, не нанесенным на карту задворкам Западной Спирали Галактики – и кого же я встречаю, болтающегося в остатках атмосферы гибнущей планеты, если не...

– Зафода Библброкса, – нетерпеливо перебил его Артур. – Послушайте, мне не хотелось бы показаться паникером, но эти чертовы лучи смерти подбираются все ближе. Особенно вон тот, здоровый.

Зеленый пришелец не обратил на его слова ни малейшего внимания.

– Мистер президент. Я очень давно мечтал вам кое-что сказать. Я долго готовился к этому. Не согласитесь ли вы уделить мне пару секунд? Право же, вы окажете мне большую честь.

Зафод отступил на шаг – на случай, если пришелец не мог полюбоваться на него в полный рост.

Необходимое пояснение. *С формальной точки зрения, на борту межзвездного корабля не может быть пришельцев, только космические путешественники. В этой связи, как только личность «пришельца» будет установлена, мы откажемся от данного термина.*

– Ну конечно, скажите пару слов. Вот и спутники мои послушают. Сам-то я слишком важен, чтобы считать это честью для себя, но и я позабавлюсь с удовольствием.

Пришелец чуть поклонился, достал из кармана пиджака сверхтонкий компьютер, нашел там нужный текстовый файл и прокашлялся.

– Вы, мистер президент – самая тупая, безмозглая и толстожопая пародия на политика, против которой я имел счастье голосовать, и если бы у меня хоть на секунду возникла мысль, что эта гребаная Вселенная заслуживает чего-то большего, я бы, не колеблясь, заплатил из своего – поняли: своего! – кармана за то, чтобы вас прикончили наемные убийцы.

Последний оскорбительный эпитет Зафод уловил только наполовину.

– Толсто-чего?

– Толстожопая.

– Толстожопая? – поперхнулся Зафод, тыча в грудь пальцем. – *Толстожопая?!!*

Память Артура все еще блуждала где-то далеко, так что ему потребовалось не меньше секунды, чтобы отреагировать на нечто, абсолютно не подлежащее сомнению.

– Я вас знаю. Вы тот тип, который всех оскорбляет.

Пришелец сфотографировал Артура своим компьютером и запустил программу поиска.

– А, да. Артур Филипп Дент. Рукоблуд и законченная задница. Вас я уже оприходовал, у меня тут все записано.

Зафод оперся руками о колени.

– Толстожопая... Сейчас в обморок грохнусь.

Необходимое пояснение. *Теперь уже можно раскрыть, что означенный «пришелец» – Гавбеггер Искусственно Продленный; он приобрел бессмертие в результате аварии ускорителя элементарных частиц, а также нежелания пожертвовать двумя из своих резинок. Надо особо заметить: резинки Гавбеггеру действительно были очень дороги, поскольку в культуре его народа они служат религиозным символами, олицетворяющими округлую и эластичную природу бога Ах-Поллифила. После этого инцидента архипромандрит церкви С&Е провозгласил новообретенное бессмертие Гавбеггера знаменем для верующих. Гавбеггер же провоз-*

гласил это занозой в заднице и в знак протеста вообще выбросил все свои резинки. Прожив несколько тысячелетий в беспросветном унынии, Гавбеггер нашел себе занятие: посетить все до одного обитаемые миры Вселенной с целью дегустации местных сортов пива. Так начался период, который историки впоследствии назовут янтарным – на протяжении его Гавбеггер заметно пополнил и открыл в себе талант оскорблять людей. Как-то утром, проблевавшись со вчерашнего, Гавбеггер вдруг понял, что больше всего ему нравится именно оскорблять людей, и решил сменить амплуа – так сказать, поменять коней на переправе. Его новой целью, решил он, станет оскорбить все до одного мыслящие существа во Вселенной – в алфавитном порядке. Поскольку Гавбеггер был типом довольно-таки симпатичным, да и космический корабль его заметно отличался от других, пресса довольно скоро раскусила род его новых занятий, так что когда Гавбеггер приземлялся на очередной планете, он обнаруживал, что все население ее уже выстроилось в алфавитном порядке и с нетерпением ждет своей порции оскорблений. Что, конечно, несколько уменьшало радость от работы.

– Так вы прорвались сюда сквозь эти лучи смерти? – возбужденно спросил Артур. – На своем корабле?

– Разумеется, – пожал плечами Гавбеггер. – Мой корабль выполнен из темной материи и приводится в движение темной энергией. Эти грибулонцы орудуют преимущественно барионами. Им мой корабль ни за что не запеленговать, тем более – уничтожить.

– Так вы можете их заглушить? Лучи?

Гавбеггер сунул сверхтонкий компьютер обратно в карман.

– Нет. Они ведь выпущены в реальном пространстве. Земля обречена – право же, очень жаль, ведь на ней было столько людей, которых я мог бы оскорбить. Но зато я отловил Библ-брокса, верно? Не по алфавиту, согласен, но идиотизм такого размера заслуживает исключения. Так что день прожит не совсем зря. – Гавбеггер довольно потер руки. – Ладно. Очень приятно было познакомиться со всеми – как знать, может, другой встречи и не представится.

Триллиан поспешно включила свою профессиональную репортерскую улыбку.

– Мистер Гавбеггер, меня зовут Триллиан Астра. Мы с вами встречались на Новом Бетеле. Вы были так добры, что уделите мне пять минут.

– А... да, правда. Новый Бетель. Я ведь тогда только что обработал короля, так ведь? Обозвал его сочащимся гнойным нарывом. Какое-то время было такое... творческий застой. Все у меня выходило либо гнойными, либо тухлыми.

– В таком случае вы, возможно, читали мою статью в «Ого-Го»?

– Я не читаю прессы. Видите ли, стоит в нее окунуться, и начинаешь верить в то, что там пишут. Вот, например, посмотрите-ка на Зафода – да-да, вот этого. Он ведь и впрямь верит в то, что он крутая сверхзвезда, а не безмозглый мужлан, каковым является на самом деле.

Зафод только-только начал оправляться от эпитета «толстожопый», когда новое сравнение с мужланом ударило его словно под дых.

– Мужлан? У-ууу... Что за... Ты, чудовище!

Триллиан не дала ему договорить.

– Я хотела спросить, не подвезете ли вы нас? Совсем недалеко, всего до соседней планеты.

– Это невозможно, – отрезал Гавбеггер. – Я путешествую по темному космосу. Смертным не положено видеть темного космоса, он действует на их психику.

– Мы готовы рискнуть. Мы не доставим вам хлопот.

Гавбеггер поднял бровь.

– Библброкс не доставит хлопот? Сильно сомневаюсь. Он ведь скрывается – не от одних, так от других, верно?

Триллиан попыталась поддержать пошатнувшуюся репутацию Зафода.

– Президент будет вести себя хорошо. Правда, Зафод?

Зафод что-то невнятно пробормотал.

– Вот видите, он сказал: «Буду как надо».

– А мне слышалось: «Убью гада».

Артур подскочил к Зафоду и попытался привлечь внимание его бешено вращавшихся глаз к себе.

– Ты ведь этого не говорил, дружище? Нет? Конечно, нет. Это ведь было бы сущее безумие: угрожать смертью единственному, кто мог бы нас спасти.

Зафод выпрямился и набрал в грудь воздуха.

– Он обозвал меня толстожопым мужланом. Такое можно искупить только ценой жизни.

– Ох, блин, – пробормотал Форд.

Настроение Гавбеггера явно сменилось с вежливо-скупающего на невежливо-скупающее.

– Уж не думаете ли вы, что меня не пытались убить в прошлом? При моем роде занятий враги липнут ко мне, как пух к флабузу.

Рэндом всхлипнула в кулачок.

– Забавы ради я отслеживаю всех, кто меня преследует. В настоящий момент за мной гонятся больше сотни наемных охотников, шестнадцать правительственных судов, несколько беспилотных ракет-роботов и с полдюжины желающих обрести бессмертие, вырвав и сожрав мое сердце. Если б это было так просто! Я мечтаю о смерти, я жажду ее так же страстно, как этот идиот – славы. Прожил достаточно долго, чтобы понять: идеальной любви не существует в природе. Все это тянется слишком долго.

– А я мог бы тебя убить, – заявил Зафод. – У меня есть кое-какие связи. Я знаю кое-кого, разбирающегося в этом ремесле. Тебе не приходилось провести пару раундов на ринге против траальского жукозавра?

– Этого старого мешка с молниями? – фыркнул Гавбеггер. – Я надеялся, ты предложишь что-нибудь посерьезнее.

Артур снова прижался носом к стеклу и прикрыл глаза сбоку ладонями, чтобы не отсвечивало. Луч уже почти надвинулся на них. Артуру даже показалось, будто он слышит треск разрядов и завывание энергии, хотя умом он и понимал, что это невозможно.

Криков и стонов умирающих я тоже слышать не могу, решил он.

– Триллиан, – бросил он через плечо. – Мне, право же, кажется, что было бы очень кстати, если бы Зафод заткнулся. У нас нет здесь парализаторов?

Зафод же тем временем только начинал расходиться.

– Могу и серьезнее. Тебя не кусал паук-колдун?

– Было дело, и не раз. Я подмешиваю его яд себе в коктейли. Так меньше голова болит.

– А как насчет плазменного топора? Эта штука даже атомы пополам рубит.

– Только не мои. Меня как-то раз сразу четверьмя такими рубила шайка наемников с Силастика: я обозвал мать одного из них мордой, которой только землю рыть. Догадываетесь, чем это кончилось? Топоры разлетелись в пыль.

– Я знаком с парнем, который может раздобыть мне шесть унций консолиума. Подержишь их пять минут под мышкой, и дело в шляпе, детка.

Гавбеггер, похоже, утратил к беседе остаток интереса.

– Консолиум – миф, Библброкс. Избавьте меня от этой лапши на ушах.

– Я знаком с богами! – почти в отчаянии выпалил Зафод. – С другими обладателями бессмертия. Бьюсь об заклад, уж они-то смогут тебя укоротить.

Луч смерти уже почти касался корабля, содрогавшегося от такого шквала энергии. Казалось, даже космический вакуум с шипением расступается перед этой зеленой машиной.

– Триллиан! – крикнул Артур.

– Прошу вас, мистер Гавбеггер.

– Вы знакомы с богами? – Зеленый вечножитель выказал некоторый интерес. – Правда знакомы? С настоящими? Высшей категории?

– У меня в коммуникаторе забит адрес Тора. Стоит мне замолвить словечко – и тебя расплющат молотом.

– Вообще-то боги уже пытались меня убить.

– И как, удачно?

– Ох, да заткнитесь же, Библброкс.

– Готов поспорить, мелочь какая-нибудь. Не бог высшей категории, ведь нет?

Гавбеггер задумчиво кивнул.

– Нет, не высшей. На таких небожителей у меня никогда не хватало времени. Они все алкаши, все до одного. Но ведь наверняка удара легендарного Мьельнира, молота Тора хватит, чтобы задуть мою топку. Можете устроить это, а, Библброкс?

– Я могу, но больше никто.

– Это правда, – подтвердил Форд. – Старый рыжий хрыч с Зафодом давние друганы.

Артур уже не видел в иллюминаторе ничего, кроме зеленого.

Вот я и теряю свою дочь снова. Сколько отчаяния способен вынести человек?

Гавбеггер нажал кнопку своего сверхплоского компьютера.

– Не советую вам шутить с моей задницей.

Зафод помахал в воздухе большим пальцем третьей руки.

– Никакой лажи. Ты обозвал меня толстожопым мужланом. *Это вопрос чести.*

– Раздвинуть щит, – приказал Гавбеггер в микрофон своего компьютера.

За иллюминатором вспыхнуло белое сияние, и луч смерти миновал корабль, не причинив ему вреда.

4

В гибели планет нет ничего особенного. Такое случается сплошь да рядом. Взрывающиеся звезды стерилизуют поверхности, которым прежде дарили жизнь. Астероиды плюхаются в углеводородные океаны. Планеты съезжают с орбит, оказавшись на пару световых лет ближе к черной дыре, чем следовало бы, и в результате навсегда исчезают из сводок новостей. Свирепые квантовые существа поглощают в родном мире последнюю каплю энергии и принимаются друг за друга.

Необходимое пояснение. Последний случай стал темой реалисти-шоу в системе Тау Сириуса – под названием «Последний Бегемот». Двадцать пять тысяч телекамер были сброшены в атмосферу Ливи-Вошь – мира, в котором обитали четверо колоссальных летучих существ, – и миллиарды зрителей наблюдали их битву за право обладания этим миром. К несчастью, любимица публики Пинки сумела вырваться за пределы атмосферы и, проследив направление сигнала передающей станции, добралась до других обитаемых планет этой звездной системы. Пинки сожрала все живое на трех планетах, прежде чем федеральная армия сумела заморозить ее сжиженным кислородом. Происходившее на первых двух планетах побilo все рекорды популярности, однако к третьему разу публика устала и переключилась на «Хроники Чик-Чирик» – шоу, посвященное жизни маленькой птички-колибри, которой волшебное птичье купание сообщает совершенно невероятную силу.

Список литературы:

Самая неудачная идея. Говн Ф'Зинг (бывший президент телекомпании, а ныне заключенный федерального исправительного учреждения).

Как щелкать клювом. Биг Б. Джаруд (бывшая ребенок-телезвезда).

Артур Дент в последний раз смотрел на то, как гибнет его родной мир. В иллюминаторе все это напоминало картинку на телеэкране – возможно, один из ранних эпизодов «Доктора Кто», где спецэффекты симпатичны и не слишком заморочены.

Я почти вижу ниточки, подумал Артур.

Лучи смерти напоминали те жирные круглые столбы, что так любили телевизионные аниматоры в конце двадцатого века, а сама Земля казалась футбольным мячом, оклеенным папье-маше.

Только все это настоящие. Как это ни страшно.

Лучи полосовали планету, обдирая ее словно большое сине-зеленое яблоко. Артур отчетливо разглядел, как свернулась, откатываясь прочь от Австралии, Новая Зеландия, а на ее месте не осталось ничего, кроме туч золы и пара.

Мне не хватает моего пляжа, подумал Артур. *И еще понимания того, что я ничего не знаю наверняка.*

Вскоре вся планета превратилась в клубящееся облако из смешанного с пеплом пара. Лучи смерти сошлись в одной точке и последним усилием окончательно испепелили несчастную Землю от полюса до полюса.

Этого не может быть, думал Артур. *Не может быть.*

Я возвысила эту планету до звезд, думала Рэндом Дент, моргая полными слез глазами. *Я навела мосты, которые помогли исцелить рак, отправить на свалку истории нищету, записать первый галактический хит «Голдфлейка». И вот все это пропало. Все эти люди. Все это будущее. Мой маленький Фертель.*

* * *

Триллиан закрыла глаза. За свою долгую карьеру она повидала столько катастроф, что их хватило бы не на одну жизнь. Даже Гавбеггерскую. Часть этих катаклизмов, конечно, в действительности не происходила, но это не значит, что они не врезались ей в память.

И чего я всем этим достигла? Своими прогремевшими на всю Галактику репортажами? Кого спасла, кому помогла?

Никому.

А кто пострадал, кто потерялся?

Я. И моя дочь.

Впрочем, даже думая так, Триллиан испытывала легкий зуд в руке, где полагалось находиться микрофону.

Кто-то ведь должен все это освещать, настойчиво нашептывал голос у нее в голове. *Люди должны знать об этом.*

Борт вогонского гиперпространственного бюрокрейсера «БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ ТУПИК»

В сущности, вогоны не такие уж *плохие* ребята. Верно, их никто не любит, да и пределом вежливости при общении у них является не плевать (по возможности, конечно) на собеседника, но и плохого в них не слишком много. То есть они никогда не разнесут вашу планету на атомы, не имея на то надлежащим образом оформленных документов. При наличии же надлежащим образом оформленных документов они хоть всю Вселенную – да если потребуется, и все параллельные заодно – разнесут, чтобы выполнить работу как надо. Ну и, честно говоря, большинству из них глубоко безразлично, плюются ли они на собеседника при разговоре.

Необходимое пояснение. Имеются документальные подтверждения инцидента, в результате которого мелкое существо с *Ятры-Ватры* утонуло при разговоре с вогонским чиновником. *Ятраватранец* имел неосторожность подать вогону прошение, сообщив при этом, что это официальный документ. Закашлявшись от возмущения, вогон оглушил ятраватранца сгустком слюны, и тот почти сразу же захлебнулся.

Список литературы:

Двадцать тысяч игр для стоящего в очереди к вогону. *Мадьяр Оннфхунн* (написано, стоя в очереди к чиновнику-вогону).

ДТИДСВОКВ – II. *Мадьяр Оннфхунн* (написано ближе к голове очереди)

и

Все вогоны – ублюдки и заслуживают смерти. *Мадьяр Оннфхунн* (написано сразу после того, как ему прищемили пальцы дверью кабинета).

Вогоны – необычная раса, поскольку отличаются врожденными настойчивостью и упорством, полным отсутствием сострадания и любовью к чудовищного качества стихам. Таковы все вогоны, и документально подтвержденных исключений этому неизвестно.

Необходимое пояснение. Ходят слухи о подпольной группировке вогонов на окраинах брандисвогонской цивилизации, которые называют себя *Истинными Вогонами*. Излюбленное их занятие – усесться в кружок и просто трепаться без письменного на то разрешения.

С физической точки зрения, вогоны не отличаются привлекательностью. И если критерием красоты являются предпочтения зрителя, то этот зритель наверняка не вогон, ибо даже вогоны понимают, насколько они уродливы. Более всего вогон напоминает внешностью огромную черносливину с особо глубокими складками-морщинами для рта и глаз. Тело у них – зеле-

ный маслянистый мешок плоти, у которой на кубический фут объема приходится слишком мало костей и слишком много складок. Конечности, хоть и имеются, но слабы, неэффективны и расположены на вид абсолютно произвольно. Дайте пытливому ребенку сваренное вкрутую яйцо, изюм и несколько макаронин – и то, что у него получится из этих составляющих, вполне может напоминать вогона.

Вы, конечно, можете поинтересоваться, как получается, что одни вогоны занимают в своем обществе более высокое положение, нежели другие, если они все до одного отвратительные бюрократы-садисты? Просто у них и степень вогонства не одинакова. У вогонов даже имеется для этого специальное понятие. Когда одному из них удастся выделиться из общей массы особо неумолимым исполнением приказов, когда затраченные на выполнение задачи силы и время совсем уже неадекватны ее реальной ценности, когда вогон продолжает ломиться вперед даже там, где остальные отступают, сдавшись перед фокусами плюральных зон, перед ордами бронеборцев-силастов или вдовьими слезами – вот такой вогон по всеобщему мнению обладает *хрюмпстом*.

Ну, например:

– Видел, что вон тот вогон, Простатник Бырдц, сотворил с тем детским домом? Камня на камне не оставил. Вот этому парню *хрюмпста* не занимать!

– Ага. Настоящий *хрюмпстер*. У него *хрюмпста* по самый по *хрюмптер*!

При произнесении термина «*хрюмпст*» кем-либо из старших вогонов остальным положено всплескивать руками и со всем возможным энтузиазмом повторять это слово.

Вполне вероятно, термин «*хрюмпст*» изобретен в честь вогона Простатника Джельца. За свою выдающуюся карьеру космического флотоводца он ни разу не подвел вышестоящее начальство, не выполнив поставленной ему задачи. Когда обитатели Риганнона V возражали против перемещения своей планеты на более высокую орбиту, мотивируя это якобы «неминуемой смертью в связи с последующим оледенением», кто, как не Джельц, устроил над северным полюсом впечатляющий фейерверк, дабы отвлечь внимание риганнонцев от приближающихся с юга кораблей-толкачей? И кто, как не Джельц, бесцеремонно снес лес вместе с привязавшимися к деревьям экологами, когда крошечные синепузые щебетухи отказались голосовать, поклевав в кормушке «да» или кормушке «нет», решающей судьбу проектируемой магистрали?

Вот и теперь, в звездный час его карьеры, ему предстояло одним-единственным кораблем уничтожить *все* Земли во *всех* параллельных Вселенных – что он и проделал с помощью грибулонских лучей смерти. И правильно, поскольку меньше всего межзвездным путешественникам нужны планеты, ни с того ни с сего выскакивающие вдруг у них на пути в плюральных зонах Галактики.

И если вышестоящее начальство придумывало нелегкую работу, у Простатника Джельца имелось в наличии достаточно *хрюмпста*, чтобы ее выполнить. Кстати, портрет Джельца висел на *Стене Хрюмпста* в одном ряду с величайшими бюрократами вогонской истории. Врунт Отказник, Ширгавц Бумагомарракер и кумир Джельца, Хупц Прриходитезавтра. А теперь и сам Джельц. Все портреты изображали героев со спины, как положено во *Дворце Хрюмпста*, где, собственно, и находится *Стена Хрюмпста*.

Джельц сидел в капитанском кресле на мостике своего крейсера «Бюрократический тупик» и прикидывал, каким эпитетом наградят его, когда он вернется на Мегабрантис.

Джельц-Уничтожитель. Это было бы не лишено приятности, но все-таки недостаточно конкретно. Редко ему удавалось уничтожить мир без бумажной волокиты.

Джельц-Неумолимый. Славно, но слишком похоже на какого-нибудь гонщика из низших рас.

Сколько бы ни забавлялся Джельц игрой в эпитеты, рано или поздно он всегда возвращался к прозвищу, которым звал его отец: Джельц-Законченный-Ублюдок. Исчерпывающая характеристика, право же. Джельц даже вспомнил одно из своих юношеских стихотворений:

– Законченный ублюдок, – произнес он голосом, более всего напоминающим далекие раскаты грома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.